

International Journal of Anti-terrorism Studies

Has been issued since 2016.
E-ISSN 2454-0838
2018. 3(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Katorin Yuri – Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint-Petersburg, Russian Federation (Editor-in-Chief)

Achkasov Nikolai – Military Telecommunication Academy named after the Soviet Union Marshal S.M. Budienny, Saint-Petersburg, Russian Federation

Pashchenko Irina – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Samoilenko Yevhen – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Sokolov Sergei – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Valleau Annick – University of Geneva, Geneva, Switzerland

Journal is indexed by: **CrossRef** (UK), **OAJI** (USA)

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 16.09.18.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal50.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru
Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order №3.

© International Journal of Anti-terrorism Studies, 2018

International Journal of Anti-terrorism Studies

2018

Is. 1

CONTENTS

Articles and Statements

Russian Hate Speech Legislation in the International Context R. Droalin, A. Valleau	3
The Prologue of Russian Terrorism A.V. Mankov	11
Russia and the UN: Countering the Root Causes of Terrorism A. Valleau, R. Droalin	23

Letters to the Editorial Board

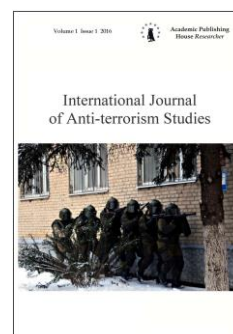
Actions Under the Threat of a Terrorist Attack Y.F. Katorin	32
--	----

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2018, 3(1): 3-10

DOI: 10.13187/ijats.2017.1.3

www.ejournal50.com

Articles and Statements

Russian Hate Speech Legislation in the International Context

Rodolphe Droalin ^a, Annick Valleau ^{b,*}

^a French-Russian Studies Center in Moscow – National Center for Scientific Research (CNRS)
Center for Russian, Caucasian and Central European Studies (CERCEC) – EHESS, France

^b Global Studies Institute, University of Geneva, Switzerland

Abstract

The subject of article is hate speech regulation. This paper analyses Russian hate speech regulation and anti-extremism legislation in the context of international debates. The authors review the initiatives of international organizations to fight racism, and Russia's position in this sphere of collaboration from the Cold War to the present day. Indeed, hate speech became an international security issue after World War II and the spread of human rights. Hate speech regulation is thought as a prophylactic tool to prevent hate crimes and racist violence. This article also compares Russian legislation with foreign, namely European and American, legislations to underline the individual path chosen by Russia in its fight against racism and nationalism, and the stumbling blocks of international anti-extremism cooperation. The authors observe that Russia follows its own path, followed by CIS countries, on regulating hate speech and extreme nationalism focusing on constitutional stability and public order, while Europe and USA have a more individualistic approach.

Keywords: Russia, hate speech, racism, extremism, nationalism, International Law, Russian Law.

1. Introduction

After the trauma of World War II and the Holocaust, extreme nationalism and hate speech became a matter of concern and a crucial topic of international debate. Article 2 of the Universal Declaration of Human Rights guarantees all rights “*without distinction of any kind, such as race (...) national or social origins*”. In the post-war period, governments initiated talks about criminalizing hate speech. Germany was one of the first states to do so because of a surge of anti-semitic incidents that swept the country at the end of 50s. In January 1959, Germany passed a bill rewriting article 130 of the Criminal Code to punish “incitement to hatred against segments of the population”.

Hate speech is commonly defined as a harmful message intended to insult, offend or intimidate a given category of the population. The term was first used in the late 80s by American legal scholars to describe “*the way different legal systems tackled certain sorts of harmful racist speech*” (Brown, 2017). However, despite semantic resemblances, there is no clear definition of

* Corresponding author

E-mail addresses: rodolphedroalin@gmail.com (R. Droalin), annick.valleau@unige.ch (A. Valleau)

hate speech: some legal systems focus only on race or religion, while others have a broader definition including for instance gender. Moreover, hate speech has become a common concept used by media, militants and ordinary people. Hence, this concept has become very polarized on the political level, the term being mainly used by progressives, while conservatives tend to reject it. Legal systems refer to democracy, Human Rights and human dignity to support the prosecution of hate speech. They also perceive it as a threat to public safety linked to extremism. Undeniably, racism can lead to aggressions, and even to terrorism, as in the case of Breivik in 2011. In extreme cases, it can trigger armed conflicts and genocide. Hence, for the purpose of preventing hate crimes, authorities around the world have sought to criminalize hate speech. Hate speech is still a hot topic today related to the challenge of managing multiculturalism, Islamism, islamophobia and the rise of groups, parties or even governments deemed xenophobic or racist.

Russia faces the same challenges. Since the 90s, experts and scholars have observed a surge of racism with the rise of extreme nationalist groups that gained momentary political popularity, fueled by anti-Caucasian and anti-immigrant feelings (Laruelle, 2010). The economic crunch of the 90s and the war in Chechnya set the background of racist and nationalist tendencies in Russia. Beyond speeches, the post-Soviet racist climate led to violent actions like skinhead groups attacking “non-Russians” (Caucasians, Asians, Blacks) on the streets, ethnic riots such as Birioulevo in 2006, and even racist terrorism with the bombing of Cherkizovsky market by ultra nationalist Nikolai Korolyov and his group called “Spas” in 2006. In response to this state of affairs, the Russian government implemented strong measures to fight extremism and racism. For example, the Federal Law on extremism, signed in 2003, criminalizes hate speech while the so-called Yarovaya Law, signed in 2014, prohibits the rehabilitation of Nazism and punishes the denial of the crimes committed by Nazis. Russia is therefore addressing the threats of racism and extremism as most countries in the world, especially the West, and is adopting similar legal measures against hate speech. However, how does the Russian viewpoint fit into the big picture of international debates on racism?

In this paper we will analyze, on the one hand, international initiatives to tackle racism and the tensions surrounding them. On the other hand, we will compare Russian federal laws on racism and extremism with foreign Western legal systems to underscore the different approaches adopted. This study is based on the analysis of legal and official documents such as reports of international organizations, expert reports and interviews with Russian experts, namely SOVA, a Russian NGO based in Moscow monitoring racism and nationalism in Russia.

International law on racism and hate speech

UNESCO is the first international organization to have engaged in initiatives to tackle racism. In 1949, scientists including Claude Levy-Strauss issued a program to fight racism: the “Race question”. This program targeted cultural, educational, scientific spheres aspects of the “race question” and denied all scientific grounds to racism. UNESCO pushed forward its educational efforts against racism by financing studies, organizing conferences, and exhibitions. In 2003, UNESCO issued an “Integrated Strategy to Combat Racism, Discrimination, Xenophobia, and related Intolerance” that strengthens cooperation with local actors and institutions and adds new guidelines to its scientific and pedagogical agenda (UNESCO, 2003).

UNESCO stays away from the legal and coercion sphere, it prefers a “soft power” approach that aims at yielding change in peoples’ mind and behavior with regard to racism. Other international organizations embrace a much tougher stance to outlaw racist expressions. For instance, the UN adopted a regulatory approach in the 60s, following the so-called “swastika epidemic”. It started at the end of 1959 in Cologne where a synagogue was vandalized with swastikas and anti-Semitic slogans, and later spread to London, Paris, Antwerp, Hong-Kong and Australia (Loeffler, 2018: 230-233). Following these incidents, the UN General Assembly adopted the International Convention on The Elimination of All Forms of Racial Discrimination (ICERD) on 21 December 1965. This convention calls on signatory states to fight discrimination and obliges them to penalize racial crimes. While Western countries like the United Kingdom and the US tried to lessen the obligations of the convention to protect freedom of speech, the Soviet Union, Poland and African countries pushed for more resolute action to ban all propaganda of racial “superiority” and criminalize participation in any organization embracing such “superiority” (Mariager and al, 2015: 65-66). In 1977, the new Soviet Constitution contained provisions on racial equality, racial

discrimination and punished racial and national hostility. UNESCO can be considered a “soft power” international organization but this has not neutralized the tensions which have long obstructed its actions against racism. During the Cold War, UNESCO avoided to criticize racism in the US and colonialism, as Western countries were its most powerful State Members. As a result, the USSR and Third World countries criticized UNESCO for being too weak (Maurel, 2007).

Extending the Universal Declaration of Human Rights of 1945, the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), signed in 1966, provided new provisions against racism and racial discrimination. It included limitations to freedom of speech to protect individuals and national security and compelled States to penalize hate speech. However, this covenant created confusion: on the one hand, it guarantees freedom of speech and allows limitations (art 19); on the other hand, it imposes an obligation to restrict speech (art 20) (Ghanea, 2010). The jurisprudence of the Human Rights Committee (HRC) clarified this ambiguity: the restriction to freedom of speech must conform to the principles of necessity and proportionality. This means that such restrictions are the only means to achieve the safeguard of one’s rights while restrictive measures “*must be the least intrusive instrument amongst those which might achieve their protective function.*” (HCR, 11/09/2011) For instance, in *Ross v Canada*, a school teacher was fired because of an anti-Semitic statement. In 2000, the HRC rejected Ross’s appeal stating that there was no violation of freedom of speech and that “*the removal of the author from a teaching position can be considered a restriction necessary to protect the right and freedom of Jewish children to have a school system free from bias, prejudice and intolerance*” (HCR, 1997).

In the last few decades, the new challenge to tackle racism primarily concerns the spread of hate speech throughout the Internet. Unquestionably, Internet offers a convenient means to express racial hatred anonymously and for extreme nationalist groups to build international ties and disseminate their propaganda. For instance, the Russian skinhead group “Format 14” shared videos showing aggressions performed on alleged “non-Russians”. The fact that Internet is an international network lacking common regulation is also challenging. In this regard, the lesson gained from the Yahoo case is illustrative: in 2000, a French court condemned Yahoo for the display of Nazi objects on its auction website. Yet in 2001, a Californian court stated that Yahoo was not bound by the French decision (Massit-Folléa, 2002). The spread of racism on the Internet was one of the main concerns of the World Conference against Racism (WCAR), also known as Durban I, in 2001. The Program of Action focused on education, cooperation between tech companies and civil society, but not on regulation. It is worth noting that international debates on Internet mostly focus on freedom of speech online (surveillance matters and defending internet neutrality), rather than on regulatory approaches to security issues. By reading the reports of the Internet Governance Forum, we can see that multi-stakeholder approaches, self-regulation and codes of conduct are generally preferred to regulation. There are however exceptions to this general rule. For example, the Council of Europe has stepped up its efforts to tackle cybercrime at state and regulation levels by adopting the first international treaty to address Internet regulation: the Budapest Convention on Cybercrime in 2001. Its aims are to harmonize domestic laws and to increase state cooperation on issues like child pornography and copyright infringements. An additional protocol “Concerning the criminalization of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer system” was added to the Budapest Convention. It required signatory States to criminalize the dissemination of racist and xenophobic materials and strengthen international cooperation.

Russia’s stance reveals international tensions

Fighting extremism and racism could seem consensual yet this issue is closely related to international politics and global tensions. During the Cold War, the debate opposing freedom of speech and the fight against racism was an international political issue between the US and the USSR. While the West, especially the US and the UK, invoked freedom of speech and were reluctant to take measures against racism, the USSR recognized this issue as a focal point of its confrontation against the West. Indeed, the USSR criticized racism in the US and colonialism, whereas socialism was portrayed as an integrative system in Soviet propaganda (Rose, 2016). During the drafting of the Universal Declaration of Human Rights, the Soviets pushed for provisions condemning racism and racial superiority. These were however rejected by the US and the UK on the grounds of freedom of speech. When the West criticized the USSR for human rights

violations, the Soviets, in turn, pointed the finger at racial problems in the US. Later, international debates on racism focused on Israel. In 1975, the UN General Assembly adopted Resolution 3379 which declares that “Zionism is racism” with the support of the Soviet Bloc.

Nowadays, debates on racism and hate speech still reflect international tensions. Concerned about the rise of neo-Nazism in Latvia and Estonia, where Soviet army memorials are degraded and Waffen SS nostalgic rallies are held, Russia supports every year, since 2005, a resolution condemning the glorification of Nazism at the UN General Assembly; and every year, the US vote against this resolution expressing worries about freedom of speech and criticizing the Russian geopolitical motives behind the resolution. Harry Kamian, American chargé d'affaires at the OSCE stated: *“However, due to the UN resolution’s overly narrow scope and politicized nature, and because it calls for unacceptable limits on the fundamental freedom of expression, the United States could not support it. (...) We were also concerned that Russia continues to use this resolution to carry out political attacks against its neighbors”* (OSCE, 23/11/2017).

Criticizing the rise of neo-Nazi groups is also key to Russia’s confrontation with Ukraine. Since the beginning of the Ukrainian crisis in 2014, Kiev voted against the above-mentioned Russian resolution. For its part, Russia is oftentimes criticized within international organizations for not fully respecting minorities’ rights. For instance, the CERD expressed concerns about the situation of Tatars in Crimea at the 93^e session (July-August 2017) (CERD, 2017).

Another concern for Russia is the threat of international initiatives to national sovereignty. This is why Russia is the only country of the Council of Europe not to have signed the Budapest Convention in 2001: The Kremlin was worried about article 32 of the Convention jeopardizing its national sovereignty as it allows trans-border access to stored computer data during cybercrime investigations. An alternative to the Budapest Convention is a convention on cybercrime within the UN supported by Russia. The Russian delegation presented a first draft “On cooperation in countering informational crime” in 2011 which was, however, criticized by the US. Concerns were raised about a tightened control on Internet in Russia. A new draft of the convention was presented at a conference of UN experts in Vienna in April 2017. Its aim was to enhance international cooperation, in particular, by facilitating extraditions.

Russian anti-extremism laws: criticism from the West, cooperation with the East

Despite international efforts, there is no consensus on how to tackle hate speech and racism. States only agree on the need to fight it. Beyond international and geopolitical rivalries, disagreements reflect different legal approaches to hate speech and racism. With regard to hate speech regulation, we can underscore two main legal systems: the American system, and the European one, Germany being the example most referred to. American laws do not punish hate speech, as free speech is guaranteed by Article 1 of the Constitution. Conversely, Germany punishes hate speech by fines and up to five years in prison (Haupt, 2005). Both legal systems refer to democracy and liberal values: the US defend freedom of expression without exception, whereas Germany defends human dignity and its democratic constitution inherited by the fall of Nazism, thus prohibiting hate speech. Moreover, the US give more trust to private initiatives to fight hate speech like codes of conduit on campus and websites.

Russia is one of the countries in the world with the toughest laws against hate speech and extremism. In response to the escalating problem of ethnic and nationalist violence, such as riots by football fans following Russia's defeat against Japan in the 2002 World Cup, the Russian government enacted the Federal Law on countering Extremist Activities in 2003. The new articles 280 and 282 of the Criminal Law address specifically extreme nationalism: they provide fines and jail time for hate speech and public calls for extremist actions. Anti-extremism legislation was further strengthened in 2014 through the adoption of a law enabling The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) to block extremist sites at the request of the State prosecutor without the need of court decisions. There is also a police division, the General Direction for Countering Extremism of the Ministry of Internal Affairs, created in 2008, which fights all forms of extremism: hate speech, fundamentalism, terrorism and more.

After the endorsement of Russia’s new anti-extremism legislation, a significant drop in racist aggressions has been observed: in the past 2 years, convictions for violent crimes motivated by hate fell by almost half (24 persons were found guilty in 2017 vs 43 in 2016) (Yudina, 2018).

Paradoxically, prosecutions for extremist expressions have increased steadily during the same period. In an interview, an expert at SOVA explained this drop by systematic jailing of extreme nationalists and by some of them fleeing to foreign countries, especially to Ukraine, where they participated in the conflict¹. Moreover, this expert underlined that the blacklist of extremist contents (books, websites, symbols, etc) run by Roskomnadzor is very specific to Russia, no other country has taken such measures. In 2017, there were 4 345 items in the Russian blacklist, including racist propaganda and fundamentalist materials (Yudina, 2017).

NGOs express concerns about the large scope and blurriness of Russian anti-extremism laws. Indeed, Russian legislators tried to codify the term “extremism”. Its definition in common language is already questionable, not to mention its legal implications. In 1993, the Constitutional Court of the Russian Federation declared: *“The words ‘extremist elements’ (...) have no legal value, as the term has no specific legal content, while ambiguities may lead to a violation of the constitutional rights of citizens.”* (Kondrashev, 2015) Another ambiguous term is the notion of “social group” used in article 282. This article prohibits *“actions directed to incite hatred or enmity, as well as to humiliate the dignity of a person or a group of persons on grounds of sex, race (...) or to any social group.”* In common language, the definition of social group is broad and blurred. In accordance with judicial practice, the notion of “social group” under article 282 can be understood as a structural part of society, as well as an unchangeable feature of an individual such as race, language, nationality (Parshin, 2017).

The West shares the very same concerns: it fears that anti-extremism laws in Russia may be used against political opponents. In 2010, Vassily Kriukov, one of the leaders of the far-right group RONS and municipal councilor of Izhevsk, organized a demonstration to support the riots on Manege Square in Moscow. During this demonstration, he allegedly expressed extremist words and was later prosecuted under article 282 and fled to Germany. Due to suspicions about anti-extremism laws being used to prosecute opponents, Interpol refused requests from Russia to arrest and extradite him. In 2014, Germany granted Vassily Kriukov political asylum as it believed he was prosecuted for political reasons (RONSSLAV, 2014). On 23 October 2017, ECHR issued for the first time a decision against article 282: it ruled in favor of Stanislav Dmitrievski, a journalist who shared appeals of Chechen rebels Ahmed Zakaryev and Aslan Mashkadov on his blog and was condemned to 2 years in jail for hate speech. ECHR ruled that the Russian sentence violated Dmitrievski's right to freedom of speech and found no threat to national security (ECHR, 2017). Other Russian nationals condemned under anti-extremism laws, such as far-right leaders Alexandre Belov or Tesak, have appealed to the ECHR and are waiting for the Court to decide on the lawfulness of their sentences. Submitting a complaint to ECHR is more than a legal tactic, it is also a militant move: it aims at drawing the attention of news media and triggering international reactions to pressure the Russian government. Further, the West is concerned about Russia not fighting racism efficiently. This criticism is based on the situation in Russia in the 90s. During this period, nationalist groups committed many racist aggressions. An example is 1999, when an African-American employee of the US Embassy was attacked by skinheads causing international outcry.

Beyond the coercive approach, Russia has also adopted a cultural and educational approach to the fight against racism and extremism that meets UNESCO's recommendations and focuses on interethnic relations. In Russia it bears the name “Politics of nationalities”. According to the Russian report for the 93e session of the CERD, *“Vladimir Putin stressed that young people must understand the full significance of the nationalities policy, and of ethnic and cultural diversity. He pointed out that, with the necessary awareness and a sufficiently broad outlook on life, a properly informed person will be immune from the virus of nationalism and intolerance”* (Russian Delegation at CERD, 2016). In this report, Russia promoted its efforts in the education field: it sponsors courses on religions to promote interethnic dialogue and tolerance, organizes folk festivals and gives subventions to TV programs like Diaspora or the channel Mir.

Ahead of the World Cup in Russia, racism among Russian supporters was a matter of concern (especially in the West), as nationalists are numerous among football fans. In the past, they have repeatedly sparked scandals linked to violent actions and racist chants in stadiums (Arnold, Veth, 2018). Hence, the UK for example issued warnings to its citizens travelling to Russia for the World Cup. Yet the World Cup did not give rise to any racist or violent incidents thanks to preventive

¹ Interview with a SOVA expert, 16/02/2018, Moscow

measures, both coercive and educational. Among other things, Russia passed a law on supporters in 2014. Russian authorities put hooligan leaders under survey, issued a black list of supporters and prohibited access to stadiums to 467 supporters (RT, 10/06/2018). Furthermore, the Russian Federation of football and Ministry of Sports, in collaboration with the High Commissar for Human Rights, organized a seminar in summer 2015 on preventing discrimination in sports (Sivkova, 03/06/2015). Also, seminars on the prevention of racism and intolerance were held in the 11 Russian regions where the World Cup took place in cooperation with the UN.

In its fight against extremism and hate speech, Russia is not isolated as it can count upon the support of CIS countries and the Shanghai Cooperation Organization. Interestingly enough, the anti-extremism law adopted in 2003, was drafted according to the Shanghai Convention of 15 June 2001 on combatting terrorism, separatism and extremism. Paragraph 3 of Article 1 of this convention defines extremism as an act aiming at the seizure or retention of power via violent methods or changes in the constitutional order by force. Most of CIS countries have similar anti-extremism laws based on Russian legislation (Verskhovsky, 2016). They also actively collaborate in the fight against extremism and have signed a convention on judicial cooperation. As a consequence, Belarus blocked the Russian nationalist website Sputnik i Pogrom in January 2017 and Russia followed in July 2017. Moreover, Belov-Potkin, former leader of the nationalist organization "Movement against illegal immigration", was accused of preparing a coup in Kazakhstan with Russian Cossacks. The case was opened in Kazakhstan in May 2014 and was then handed over to the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. The leader of the nationalist organization was arrested in Moscow in October 2014, where he was judged and sentenced to 7,5 years in prison for this alleged coup, embezzlement and incitement to hatred.

Conclusion: Russian hate speech regulation, a third way?

Fighting racism and hate speech can seem consensual, yet as we have seen, there are deep divides on the international level based on geopolitical rivalries and different legal traditions. During the Cold War, racism was a matter of criticism for the USSR against the West, and more recently, a matter of criticism for the West against Russia being whether too soft on racism, whether too tough on the application of its anti-extremism legislation. As mentioned above, there is a wedge between the American legal tradition which first and foremost defends freedom of expression, and the European hate speech regulations stemming from the traumas of Nazism and Fascism.

In this context, Russia seems closer to Europe. Its measures to counter hate speech are quite similar to European ones, in particular, in the light of its efforts to tackle extremism since the 2000s. Nevertheless, the Russian philosophy and application of national anti-extremism legislation differ from the European approach. Indeed, while European legislations on hate speech place emphasis on individual rights, Russia rather focuses on protecting stability and public order. For instance, legal scholars at the Moscow General Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation refer to "color revolutions" and events in Ukraine to clarify the Russian anti-extremism legislation (Agapov, 2016). According to them, the aim of the anti-extremism legislation in Russia is to protect the constitutional order and to prevent a violent overthrow of the government. The threats which must be eradicated in this context are "color revolutions" and destabilizing elements such as the Ukrainian extreme nationalists of the Maidan Revolution. To enhance peace and security, Russia, which is considered a multi-ethnic country, often refers to interethnic relations in its national initiatives against extremism and racism. Promoting peaceful relations between Russia's multiple nationalities is indeed a way of containing the threat of separatism and conflicts, especially after the wars in Chechnya. With its Member States' interests in mind, it thus comes as little surprise that the Shanghai Cooperation Organization links the concepts of extremism, terrorism and separatism in its doctrine of "the three evils". The application of Russian legislation can, of course, seem harsh compared to Western European standards: swift blocking of websites without court decisions, frequent jail time for individuals accused of hate speech, namely for far-right leaders. Conversely, European countries prefer to sentence fines, whereas the US refuse governmental measures and trust private initiatives.

Russian legislation on hate speech and extremism, supported and followed by CIS countries, can be considered a third legal tradition to combat racism. Contrary to Western legislations on hate speech, which refer to liberal and Human Rights values and adopt a more individualistic approach, Russian anti-extremism laws rest upon the safeguard of public and constitutional order, and

defend peaceful relations between nationalities in a multi-ethnic country which fears conflicts and separatism. Hence, given these three different approaches to hate speech, international cooperation in the field of countering extremism and racism proves very difficult.

References

- Agapov, 2016** – *Agapov Pavel* (2016). Ekstremizm. Strategija protivodejstvie i prokurorskiy nabzor. Izdatel'stvo Prospekt, 432 p. [in Russian]
- Arnold, Veth, 2018** – *Arnold Richard, Veth Karl Manuel* (2018). Racism and Russian football supporters' culture. A case of concern? *Problems of Post-Communism*, 2, Vol. 65.
- Brown, 2017** – *Brown Alexander* (2017). What is hate speech? Part 1: the myth of hate. *Law and Philosophy*, n°36.
- CERD, 2017** – CERD, 93 session, 31 jul 2017 / 25 aug 2017. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/SessionDetails1.aspx?SessionID=1110&Lang=en
- ECHR, 2017** – ECHR, Criminal conviction of editor for publication of statements By Chechen leaders was unjustified, 295 (2017), 03/10/2017.
- Ghanea, 2010** – *Ghanea Nazila* (2010). Expression and hate speech in the ICCPR: compatible or clashing?. *Religion and Human Rights*, n°5.
- Haupt, 2005** – *Haupt Claudia E.* (2005). Regulating hate speech – Damned if you do, damned if you don't. Lessons learned from comparing the German and US approaches. *Boston University International Law Journal*, n°23.
- HCR, 11/09/2011** – HRC, General Comment 34, 11/09/2011. URL: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf>
- HCR, 1997** – HCR, Malcolm Ross v Canada, CCPR/C/70/D/736/1997.
- Kondrashev, 2015** – *Kondrashev Andrey A.* (2015). Constitutional and legal problem of anti-extremist legislation in Russia: drawbacks of legislative regulation. *Journal of Siberian Federal University*.
- Laruelle, 2010** – *Laruelle Marlène* (2010). Le nouveau nationalisme russe, L'oeuvre Editions, 373 p.
- Loeffler, 2018** – *Loeffler James* (2018). Rooted cosmopolitans. Jews and Human Rights in the twentieth century, Yale University Press, 384 p.
- Mariager et al, 2015** – *Mariager Rasmus et al.* (2015). Human rights in Europe during the Cold War, Routledge, 198 p.
- Massit-Folléa, 2002** – *Massit-Folléa Françoise* (2002). De la régulation à la gouvernance d'Internet. Quel rôle pour les usagers-citoyens ? *Les Cahiers du Numérique*, 2002/2, Vol 3.
- Maurel, 2007** – *Maurel Chloë* (2007). La question des races. Le programme de l'UNESCO, Gradhiva, 2007/5.
- OSCE, 23/11/2017** – OSCE. Right of Reply to Russia on the Glorification of Nazism. 23/11/2017. URL: <https://osce.usmission.gov/right-of-reply-to-russia-on-the-glorification-of-nazism/>
- Parshin, 2017** – *Parshin V.A.* (2017). Poniatie sotsial'noj gruppy v stat'e 282 UK RF. *Molodoj Uchenyj*, n°13. [in Russian]
- RONSSLAV, 2014** – RONSSLAV (2014). Evrosoyouz v pervye predostavil politubezhzhishe russkomu politiku, presleduemomu po é_é ST UK RF, 24/11/2014. URL: <http://ronsslav.com/evrosoyuz-vpervye-predostavil-politubezhzhishe-russkomu-politiku-presleduemomu-po-282-st-uk-rf/>
- Rose, 2016** – *Rose Steve* (2016). Racial harmony in a Marxist utopia: how the Soviet Union capitalised on US discrimination. The Guardian, 24/01/2016. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/shortcuts/2016/jan/24/racial-harmony-in-a-marxist-utopia-how-the-soviet-union-capitalised-on-us-discrimination-in-pictures>
- RT, 10/06/2018** – RT. Hooligans sur liste noire: la Russie interdit 467 individus d'accès aux stades du mondial 2018, 10/06/2018. URL: <https://francais.rt.com/international/51473-hooligans-sur-liste-noire-stades-russie-coupe-du-monde>
- Russian Delegation at CERD, 2016** – Russian Delegation at CERD, CERD/C/RUS/23-24, URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fRUS%2f23-24&Lang=en
- Sivkova, 03/06/2015** – *Sivkova Elena* (2015). V Minsporta obsudjat mery po bor'be s rasizmom, 03/06/2015. URL: <https://iz.ru/news/587229> [in Russian]

[UNESCO, 2003](#) – UNESCO. Development of an integrated strategy to combat racism, discrimination, xenophobia and related intolerance, General Conference 32nd session Paris, 2003.

[Verkhovsky, 2016](#) – *Verkhovsky Alexander* (2016). Criminal Law on hate crime, incitement to hatred and hate speech in OSCE participating countries.

[Yudina, 2017](#) – *Yudina Natalia* (2017). Protivodejstvie ili imitatsia. Gosudarstvo protiv возбуждения ненависти i politicheskoy aktivnosti nationalistov v Rossi v 2017 godu, SOVA, 02/03/2017. [in Russian]

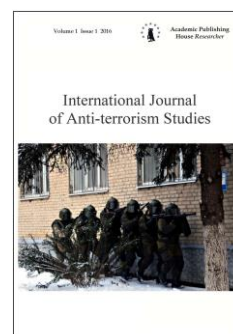
[Yudina, 2018](#) – *Yudina Natalia* (2018). Ksenofobiya v tsifrax: Prestyplenie ненависти i protivodejstvie im v Rossii v 2017 godu, SOVA, 21/01/2018. [in Russian]

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2018, 3(1): 11-22

DOI: 10.13187/ijats.2017.1.11

www.ejournal50.com

The Prologue of Russian Terrorism

Andrey V. Mankov ^{a, *}^a Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russian Federation

Abstract

At the end of the 20th century terrorism transformed from abstract term to the realistic politico-social event for the most russian citizens. According to the national experts' opinion, in the 21st century terrorist threat will even amplify for some countries and there will be no exception for Russia too. Nowadays the scientific point of view to the terrorism is very important in the interests of further state counter-terrorism efforts because of the violence existing in our society. Learning the history of terrorism and counter-terrorism efforts in the past is the pressing issue to reach the goal of anti-terror threat. In connection with this, the research appeals to the origins of this phenomenon in the socio-political life of Russia. The author emphasizes that the origins of the terrorism should be found in the years of 1860. The roots are closely connected with the revolutionary movement in our country in the second part of 19th century. The emergence of terrorism in Russia was primarily a consequence of the development of complex socio-political problems.

Keywords: Russia, terrorism, origins of terrorism, «Young Russia», «People's Massacre», «Revolutionary Catechism», extremism.

1. Введение

Трагической реальностью постсоветской России продолжает оставаться терроризм. В ближайшие годы для современной России, по всей видимости, рост масштабных террористических угроз продолжится (Дворянов и др., 2005). Во-первых, международный терроризм, по мнению авторитетных отечественных специалистов, обладает немалыми возможностями для военно-политических объединений, поиска мер взаимной военной и материальной поддержки (Моховоров и др., 2003: 11). Во-вторых, актуальность нового обращения к проблеме терроризма обусловлена социально-политическими реалиями нынешней России и возрождением экстремистских планов в деятельности некоторых отечественных политиков и общественных движений и организаций.

В связи с этим, сегодня, как никогда, существует необходимость продолжения научного анализа экстремизма и его спутника терроризма и их современных аспектов. При осмыслении какого-либо сложного социального явления всегда полезно обратиться к его истории. Несомненный интерес, как исследователя, так и практика противодействия экстремизму и терроризму, по нашему мнению, представляет вопрос – когда и при каких обстоятельствах в России зародились первые радикальные, а затем экстремистские и террористические социально-политические идеи и появились первые террористические организации? В то же время в настоящее время создается впечатление, что со страниц

* Corresponding author

E-mail addresses: 63donetsk@mail.ru (A.V. Mankov)

зарубежных изданий в отечественные средства массовой информации прочно переключал тезис об «исламской террористической угрозе». В общественное сознание граждан западных стран, а теперь уже и россиян вольно или невольно, но очень усиленно внедряется представление о мусульманском мире как основном источнике международного и отечественного терроризма, что не может не удовлетворять разум вдумчивого исследователя (Тихонов, 2009: 11).

Особый отпечаток на проблему политического насилия в российской истории накладывает факт 100-летия русской революции 1917 г. Экстремистские способы борьбы за власть прошлого, активно использованные участниками этого сложнейшего социально-политического процесса, заставляют исследователя еще раз обратиться к истории. В интересах безопасности общества следует продолжать исследования истоков тех событий, которые разрушили Российскую империю и дали почву для создания тоталитарного Советского государства. Знание истории отечественного терроризма, на наш взгляд, может способствовать выработке мероприятий, направленных на противодействие этой особой форме социально-политического насилия в стране.

Одной из исторических разновидностей терроризма предстает революционный терроризм, который, на наш взгляд, был как начальной, так и основной формой терроризма в нашей стране (Будницкий, 2000: 2). Цель публикации – выявить некоторые особенности происхождения российского терроризма. Чтобы ответить на этот вопрос, важный для практического противодействия насилию в современных условиях, проведем исторический анализ генезиса российского экстремизма. Для этого мы обратимся к одному из ранних периодов российского революционного движения – началу 1860-е гг.

2. Материалы и методы

Методологическая основа статьи базируется на общефилософском подходе к познанию объективной реальности в совокупности идей, относящихся к диалектическому пониманию истории. Главным общенаучным методом исследования является диалектический, включающий принципы историзма, объективности и детерминизма, которые получили свою конкретизацию в последовательном и детальном анализе исторических событий и их взаимосвязи и взаимообусловленности.

3. Обсуждение

«Терроризм» отнюдь не новое понятие в политическом словаре человечества. Научный интерес к проблеме терроризма в ряде стран особенно вырос в последней четверти XX в. (Иванов, 2005: 64). В США, например, он активизировался в годы правления президента Р. Рейгана (Иванов, 2005: 64). Терроризм не является случайным событием и в нашей истории. В то же время отечественной наукой терроризму уделено меньше внимания, чем того требует его актуальность. Это явилось, в частности, следствием того, что тема терроризма оказалась табуизированной в советском обществе 1930–50-х гг. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. после периода вынужденного забвения террорологическая тематика пережила стадию возрождения в советском научном сообществе. Начало системному процессу изучения отечественного терроризма было положено в трудах советского историка К.В. Гусева по истории партии социалистов-революционеров (эсеров) (Гусев, 1975). В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появляются многочисленные статьи по терроризму на Западе. Так, его идейные истоки анализируются в работах известных ученых В.В. Витюка и С.А. Эфирова (Витюк, Эфиров, 1987; Витюк, 1993). Витюк, например, подчеркнул, что современный терроризм имеет «непосредственных предтеч в лице крайне радикалистских направлений» различного толка в Европе, США и России (Витюк, 1993: 43).

Террорологическая проблематика последнего времени в России придает мощный импульс научному изучению феномена российского терроризма. Очевидно, что терроризм в нашей стране возник не сегодня и не вчера, о чем свидетельствуют, в частности, проведенные в последние годы исследования (Будницкий, 2000; Вахрушев, 2011; Минеева и др., 2017; Mankov and others, 2016). Авторам представляется справедливым, что его история в нашей стране насчитывает не одно столетие (Щербаков, 2013: 13). В то же время, несмотря на имеющиеся работы и обширную практику, ряд аспектов терроризма по-прежнему слабо изучены. Так, отечественный исследователь В.А. Вахрушев отметил, что среди научного

сообщества отсутствует общее видение природы терроризма (Вахрушев, 2011: 187). Он считает одними из первых террористов секту сикариев, действовавшую в Палестине в I в. н.э. (Вахрушев, 2011: 188). Однако специалист очень мало пишет о первых русских террористах, определяя начало их «борьбы с самодержавием» периодом с 1878 г. (Вахрушев, 2011: 188). Российский философ Я.И. Гилинский отмечает, что «не существует единого понимания терроризма» (Гилинский, 2005: 17). Разнообразно трактуются генезис и становление этого явления в нашей стране. Некоторые авторы подчеркивают, что в России еще декабристы (А.И. Якубович) замыслили убийство царя в момент восстания (Федотова, 2003: 5). Белорусский историк В.В. Сергеев считает, к этому факту можно отнести «истоки терроризма», так как именно среди декабристов «впервые ... зародилась идея цареубийства как средства сделать общество более справедливым» (Сергеев, 2009: 311). Наш соотечественник и видный современный исследователь российского терроризма О.В. Будницкий видит «первую в России последовательно террористическую организацию» в «Народной расправе» С.Г. Нечаева (Будницкий, 2000: 38). Известная американская исследовательница терроризма А. Гейфман утверждает, что «с апреля 1866 года, памятного внезапно прогремевшим выстрелом Дмитрия Каракозова, неудачно покушавшегося на жизнь Александра II... полвека российской истории было окрашено в кровавый цвет революционного терроризма» (Гейфман, 1997: 3). История возникновения террористического насилия в России рассматривается отечественными авторами Е.К. Минеевой, А.В. Маньковым, Л.А. Шайпаком и другими (Минеева и др., 2017; Маньков, 2017). Они, в частности, отмечают, что один из пиков российского экстремизма пришелся на начало XX в., когда его носителем являлась партия социалистов-революционеров (ПСР) с ее террористической тактикой (Шайпак и др., 2017). Для широкого круга читателей, несомненно, будет интересна книга А.Ю. Щербакова «Терроризм. Война без правил», а также исторический справочник по проблеме терроризма (Щербаков, 2013; Жаринов, 1999).

Однако, несмотря на проведенные исследования, начальный период российского терроризма, по нашему мнению, остается недостаточно изученным в историческом аспекте периодом. Исходя из этого, автор данной работы в очередной раз анализирует процесс зарождения терроризма в России. Исследователь несколько по-иному, чем другие авторы, смотрит на генезис террористической деятельности в стране, что вносит определенную новизну в осмысление важной теоретической и практической проблемы становления терроризма. Так, на наш взгляд, требуют дополнительного осмысления специалистами социально-политические взгляды П.Г. Заичневского.

4. Результаты

Выполнение цели исследования предполагает проведение собственного анализа отечественного терроризма. Терроризм является сложным многоплановым социальным феноменом (Иванов, 2005: 63). Когда произошло возникновение российского терроризма? Поделимся некоторыми общими соображениями. Изначально, наше мнение основывается на том, что террористические действия имеют четыре основных признака: применение или угроза применения насилия, его политическая мотивация, создание обстановки страха и устрашения, а также ярко выраженный публичный характер действий! Надо хорошо понимать, что теракт – это, в первую очередь, акция устрашения власти и общества! В то же время мы полагаем, что, терроризм становится таковым, когда появляется, в частности, идеология терроризма. Она, на наш взгляд, занимает центральное место в структуре этого феномена. Нет идеологии – нет терроризма! Идеологию терроризма принято в широком смысле называть экстремистской.

Для пояснения такого подхода обратимся к суждению отечественного исследователя терроризма О.В. Коноваловой о том, что «в античные и средневековые времена терроризм не носил, как правило, систематического характера, не нуждался в идеологическом оправдании...» (Коновалова, 2010: 70). В связи с этим, мы исходим из того, что понятие «терроризм» можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В одном случае, терроризм – это только метод (способ) политической борьбы. В другом – сложное явление социально-политической жизни. Автор считает, что терроризм в указанные Коноваловой исторические эпохи еще не был социальным явлением. В Древнем мире и Средневековье идеологии терроризма еще не существовало. Следовательно, терроризм являлся тогда

просто методом, способом смены политической элиты, политическим убийством монарха, тирана или оппонента.

В нашем исследовании речь идет об одной из разновидностей терроризма – терроризме революционном, т.е. направленном, в конечном счете, на осуществление политических и социальных целей. Революционный терроризм, по нашему мнению, в онтологическом смысле вторичен по отношению к террору как к явлению, связанному с социально-политическим насилием и созданием обстановки страха в обществе. Его генезис, по нашему мнению, тесно переплетен с историей революционного движения и имеет национально-культурные особенности. Он возникает в Новое время в ряде европейских стран. Способом его существования являлось оппозиционное (революционное) террористическое насилие, проводившееся различными политическими партиями и организациями во второй половине XIX в. – начале XX в. Особое место в структуре революционного терроризма, на наш взгляд, занимает идеология революционно-террористического насилия. Мы считаем, что любое организованное революционное насилие невозможно без идеологии или каких-то идейно-организационных основ.

Исходя из этого, корни революционного терроризма как явления, на наш взгляд, следует искать там, где впервые появляются зачатки идеологии революционного насилия. Мы находим основы такого действия в конце XVIII – начале XIX вв. в Западной Европе. Во Франции и Италии в это время развивали свои радикальные идеи Г. Бабеф, Ф. Буонарроти и О. Бланки. Они призывали к организации заговора «революционного меньшинства», внезапное выступление которого с целью захвата власти должно было привести к народному восстанию и свержению существующего строя (Грачев, 1986: 13–14). Можно предположить, что это придавало бы движению откровенно экстремистский характер и подводило его, к серии отдельных террористических действий.

Однако вернемся в Россию. Концептуальные подходы, применяемые автором статьи в своем историческом исследовании, позволяют ему утверждать, что весной 2017 г. исполнилось 155 лет со дня публичного рождения идеологии российского революционно-террористического насилия. Что это за событие? В 1862 г. в Москве появилось революционное воззвание, которое было наполнено серьезными угрозами в адрес правительства, кровавыми пророчествами по поводу судьбы дворянства и призывами к насилию против помещиков. В мае того года московский обер-полицмейстер Крейц доносил генерал-губернатору, «что с 18 числа этого месяца неизвестные лица начали разбрасывать на бульварах и у подъездов домов возмутительного социального содержания воззвания под заглавием «Молодая Россия» (Кропоткин, 1966: 449). Вскоре содержание воззвания неожиданно получило широкую известность во всей стране и скромный по размеру текст положил начало открытому распространению радикально-политических идей в российском обществе. Для Российской империи XIX в. это было неслыханно: даже дворяне-декабристы не сделали ничего подобного, хотя и думали о насильственном захвате власти.

Кто были авторы этого документа? Впервые идея революционного насилия встречается в документах кружка студентов Московского университета, организованного в начале 1861 г. П.Г. Заичневским и П.Э. Аргиропуло. В прошлом году Петру Заичневскому исполнилось 175 лет со дня рождения. Он был дворянином, сыном орловского помещика. По некоторым данным его отец дослужился до генеральского звания (Щербаков, 2013: 20). Заичневский закончил с серебряной медалью Орловскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Его соратник – грек по национальности и уроженец Харькова Перикл Аргиропуло учился на юридическом факультете, но тяжело заболел и рано ушел из жизни (в 1862 г.). Их группа – это кружок, который выделился из московской революционной организации «Библиотека казанских студентов» (1859–1863 гг.).

Заичневский прожил 54 года (он умер в 1896 г. в Смоленске) и называл себя якобинцем, а идеи революционеров Франции считал возможным с успехом применить в России (Седов, 1966: 113). Летом 1861 г. он был арестован за пропаганду среди крестьян в имении своего отца. Интересен тот факт, что воззвание, по всей видимости, было написано им в тюрьме (Будницкий, 2000: 30). Весной 1862 г., будучи под следствием в камере Тверской полицейской части Москвы, благо, что режим не отличался особой строгостью, Заичневский написал прокламацию «Молодая Россия», которая разошлась по стране (Кропоткин, 1966: 449).

Каковы предпосылки этого события? Говоря о природе терроризма, мы придерживаемся мнения о том, что терроризм аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликтов. Как говорил еще М.С. Горбачев: «Кризисы и конфликты – благодатная почва для международного терроризма» (Витюк, Эфиров, 1987: 4).

Одной из предпосылок появления радикализма 1860-х гг. явились последствия «великих реформ» Александра II. В нашем случае основная причина, на наш взгляд, неудовлетворительные с точки зрения оппозиционеров условия и ход крестьянской реформы 1861 г. Помещики считали, что сам факт получения крепостными личной свободы и части надельной земли является уже таким «благодеем», за которое бывшие холопы должны чуть ли не вечно благодарить господ дворян и, как высказался симбирский помещик П.М. Мачеварианов, «воздвигнуть монумент дворянству выше огромнейших пирамид египетских» (ГАУО, Ф. 257. Оп. 1. Д. 20. Л. 4).

Однако социальные и политические противоречия, не устраненные крестьянской реформой и другими преобразованиями, привели к новому общественному конфликту. В начале 1860-х гг. в стране вместе с обострением крестьянского вопроса началось студенческое и семинаристское движение. В обществе произошла усиленная радикализация интеллигенции и российского студенчества, не удовлетворенных итогами реформ. Передовая российская интеллигенция, в частности, активно помогала крестьянам (Щербаков, 2013: 20).

Эта радикализация осуществлялась очень быстро, благодаря, не в последнюю очередь, «усилиям» властей. Так серьезный удар был нанесен по Харьковско-Киевскому тайному обществу, в которое входили студенты университетов этих городов. Общество возникло и действовало в 1856 г. на юге страны – в Малороссии (Седов, 1966: 193). В Харькове, например, студенты издали памфлет с критикой Манифеста об освобождении крестьянства. Власти устроили жестокий разгром общества: студенты подверглись аресту, заточению в крепость, а затем ссылки в Сибирь. Однако и позже этих юношей не оставили в покое. В связи с петербургскими пожарами 1862 г., их «вытащили» из ссылки, снова привезли в столицу и поместили в Петропавловскую крепость.

Взгляды радикалов-южан поддержали московские студенты из кружка Заичневского-Аргиропуло. Российская экстремистская идея разрабатывалась, в основном, на зарубежном опыте. В воззвании хорошо просматривалось большое влияние западноевропейской общественно-политической мысли, которое уловил А.И. Герцен. Он считал, что «Молодая Россия» «вовсе не русская, это одна из вариаций западного социализма, метафизика французской революции...» (Будницкий, 2000: 32). В общем-то, не отрицал этого и автор воззвания. «Мы изучали историю Запада, – писал Заичневский, – и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» (Будницкий, 2000: 30).

Особо следует отметить, что в прокламации впервые в России, убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических целей. «Молодая Россия» призывала к «кровавой, неумолимой революции, которая должна изменить радикально всё, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка» (Будницкий, 2000: 30). Можно конечно возразить, что автор в открытую не использовал в воззвании термин «террор», а по своим взглядам был, видимо, бланкистом. Но, с другой стороны, что это, если не призыв к революционному террору – «Скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится истреблением императорской фамилии, т.е. какой-нибудь сотни, другой людей», указывалось в прокламации (Будницкий, 2000: 30).

В другом месте автор «Молодой России», указывая на связь царя с «императорской партией», угнетающей народ, замечает: «Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один – уничтожится и другая» (Будницкий, 2000: 30). Таким образом, он определил

первоочередной объект революционного насилия в России – императора и его семью, что, на наш взгляд, опять же было впервые в революционной тактике.

Ликвидацию царя, Заичневский, видимо, уже тогда считал одной из основных задач периода, что во многом определило впоследствии цели и характер террористической деятельности российских революционеров 1860–1880-х гг. В то же время, террор для Заичневского – отнюдь не самодовлеющее средство борьбы, а скорее неизбежный фрагмент при захвате власти и, если потребуется, действенное средство для ее удержания (Будницкий, 2000: 31).

Были ли популярны эти идеи среди современников? Уже тогда, в начале 1860-х гг. Заичневский и его единомышленники не были абсолютно одиноки в своих радикальных настроениях и экстремистских планах. Так, эмигрант В.И. Кельсиев, бывший в России весной 1862 г., свидетельствовал впоследствии об этом в своей «Исповеди». Он писал: «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало» (Будницкий, 2000: 33). По всей видимости, среди нетерпеливой радикальной молодежи 1860-х гг. был исключительно велик соблазн террористической идеи, которая по взглядам многих из них была одним из самых коротких путей для достижения поставленной цели – свержения монархии в России.

На это обратил внимание и Герцен, который усмотрел в ней прямые призывы к террору. В целом не поддерживая прокламацию, он писал: «Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах «Юной России» узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям. Террор легок и быстр, гораздо легче труда, «гнет не парит, ломит – не тужит», освобождает деспотизмом, убеждает гильотиной. Террор дает волю страстям, очищая их общей пользой и отсутствием личных видов. Оттого-то он и нравится гораздо больше, чем самообуздание в пользу дела» (Будницкий, 2000: 32–33).

Содержание «Молодой России» активно распространилось по стране. Так, например, ее идеи проникли в Среднее Поволжье. Известный народник уроженец Пензенской губернии П.И. Войноральский в мае 1874 г. прочитал крестьянам Ставропольского уезда Самарской губернии эту прокламацию и призвал мужиков «подписаться», то есть вступить в тайную организацию. Содержание беседы вызвало широкий резонанс среди крестьян и привело в испуг местные власти, которые развернули сеть тайной агентуры, произвели обыски и аресты народнических пропагандистов.

Имя Заичневского, по авторитетному мнению видного отечественного историка М.Г. Седова, было «тесно вплетено в историю революционного движения страны на протяжении 35 лет». Историк, подчеркивая огромный вклад Заичневского в развитие революционного движения, писал о существовании «школы Заичневского» (Седов, 1966: 112). Заичневский явился родоначальником русского бланкизма и его смело можно считать «дедушкой русской революции». В то же время необходимо согласиться с оценкой другого историка Е.Л. Рудницкой о том, что русский бланкизм «стал идейно-теоретической первоосновой утверждения насилия и террора» (Рудницкая, 1997: 19). Р.Г. Эймонтова считает, что «Молодая Россия» отразила позиции «крайних радикалов» того периода (Рудницкая, 1997: 50).

В деятельности же кружка Заичневского-Аргиропуло дальше громких слов и радикальных призывов «революционное дело» не пошло – за маленькой группой студентов не было никакой «реальной силы». Однако Сенат признал Заичневского виновным в произнесении речей, направленных на ниспровержение существующего «вида правления» и против верховной власти. Заичневский был осужден, отбывал ссылку в Сибири (Иркутская губерния), затем – в 1869–1873 гг. в Среднем Поволжье (Пензенская губерния).

Ученики Заичневского до возникновения «Народной воли» ничем значительным себя не проявили. С появлением этой революционно-террористической организации ситуация изменилась и некоторые «заичневцы» нашли себе место и для боевой работы. Так М.Н. Ошанина оказалась даже одним из учредителей «Народной воли» и членом ее Исполнительного комитета с первого и до последнего дня его существования (Седов, 1966: 114). Другой бывший член кружка студент-москвич М. Сваричевский, будучи в середине

1860-х гг. в ссылке в Симбирской губернии, публично критиковал «все меры и распоряжения правительства» и предсказал «скорое падение установленного порядка» (Трофимов, 1984: 20).

Заичневский не использовал термин «террор» и, по нашему мнению, не являлся его открытым сторонником. В практике российских оппозиционеров его тогда еще не существовало. Ссылки юного радикала, которому не было и 20 лет от роду, на европейский террористический опыт носили скорее демагогический характер. Однако «Молодая Россия» – это предтеча нечаевских прокламаций и нескончаемого потока листовок, наводнивших Россию в конце XIX в. и особенно в начале XX в. Сегодня понятно, что написанная Заичневским в юности «Молодая Россия» явилась не только бланкистской программой революционного переворота, но и одним из ярчайших революционно-пропагандистских печатных образцов в истории революционного движения, исходным документом российского революционного экстремизма и первым квазитеррористическим воззванием.

Появление первой экстремистской прокламации в стране удивительным образом совпало с большими пожарами в Петербурге в 1862 г. и ряде других городов империи, в частности в Симбирске, что дало повод властям раздуть дело о революционной партии и «убийцах-революционерах» (Кропоткин, 1966: 171). Основание для этого было – воззвание была подписано «мифическим Центральным Революционным Комитетом» (Лурье, 2001: 90). И хотя власти так и не узнали о том, кто являлся авторами «Молодой России», слова Заичневского о том, что «Россия вступает в революционный период своего существования» оказались пророческими. Радикальные идеи были развиты в деятельности других организаций, в частности, ишутинцев. Они обрели практический опыт в неудачном «выстреле Каракозова» в императора (4 апреля 1866 г.), а затем сформулированы в «Народной расправе» Нечаева.

Сергей Нечаев – еще одна знаковая фигура российского экстремизма 1860-х гг. Он родился в 1847 г. в Иваново, а в 1869 г. организовал в Москве тайное общество «Народная расправа». Для вербовки членов этой группы Нечаев применял обман и мистификацию (Кропоткин, 1966: 272). Не так ли порой добиваются своих целей современные радикалы? После организованного им убийства члена организации студента Иванова, который высказал сомнение в честности Нечаева, он бежал за границу (Кропоткин, 1966: 487). Подобные действия также встречаются в настоящем. Созданная Нечаевым организация подверглась жестокому разгрому властей (Кропоткин, 1966: 272). В 1872 г. Нечаев был выдан швейцарскими властями русскому правительству, осужден на 20 лет каторги, замененной пожизненным заключением в Петропавловскую крепость, где и умер в одиночной камере в 1882 г. (Кропоткин, 1966: 487).

Знаменитый русский анархист П.А. Кропоткин считал, что Нечаев был «опасным политическим преступником» (Кропоткин, 1966: 300). Что же он сделал такого, кроме организации убийства, чтобы стать «врагом империи № 1»? Нечаев собрал в Москве вместе остатки «ишутинцев», разбил их на «пятёрки» и построил в иерархическом порядке, как в тайных обществах Западной Европы. Он первым сформулировал идею строгой конспирации. Так, нижестоящая «пятёрка» подчинялась вышестоящей, зная только одного её члена, который ею руководил. Нечаев требовал железной дисциплины, абсолютного подчинения рядовых членов «организатору» и крайней централизации кружков. Создаваемое им тайное общество, должно было представлять собой некую революционную сеть. Нечаев разработал все документы будущей организации, находясь в Швейцарии, а в России заявил, что он агент женева Революционного Комитета. Нечаев считал, что Россия стоит на пороге революции (датой ее начала он видел весну 1870 г.), в которой его организация будет играть основную роль. Цель общества – разрушить самодержавный строй. Тактика подразумевала, в том числе, и террор.

Нечаев является автором «Катехизиса революционера» – негласного устава общества, написанного им в апреле-июле 1869 г. под влиянием идей Бакунина и Ткачева (Будницкий, 2000: 38). На Нечаева, видимо, оказали еще и влияние идеологи ишутинских «Организаций» и группы «Ад», а также роман Чернышевского «Что делать?» с его «новым человеком» Рахметовым. Знаменитый философ Н.А. Бердяев отмечал, что «Катехизис революции» есть «своеобразно-аскетическая книга, как бы наставление к духовной жизни революционера. И предъявляемые им требования суровее требований сирийской аскезы. Революционер не

должен иметь ни интересов, ни дел, ни личных чувств и связей, ничего своего, даже имени. Все должно быть поглощено единственным, исключительным интересом, единственной мыслью, единственной страстью – революцией. Все, что служит революции, – морально, революция есть единственный критерий добра и зла. Нужно пожертвовать множественным во имя единого ... При этом живая человеческая личность оказывается раздавленной, от нее отнимается все богатство жизни во имя божества – революции» (Бердяев, 1990: 138).

Бердяев писал, что Нечаев проповедывал «беспощадный террор» (Бердяев, 1990: 138). Сам Нечаев считал, что с убийства царской семьи начнется государственный переворот. Правда в 1-ом номере журнала «Народная расправа», изданного и привезенного Нечаевым из-за границы, цареубийство не ставилось ближайшей и непосредственной задачей революционной организации, но это бы лишь тактический ход. Позже «Народная расправа» писала: «Мы теперь, однако, подождем до поры до времени трогать Александра Николаевича». И далее: «Мы не будем трогать царя, если нас к тому не вызовет преждевременно какая-нибудь безумная мера или факт, в котором будет заметна его инициатива. Мы уберем его для казни торжественной и мучительной перед лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства» (Козьмин, 1929: 150). С другой стороны, нечаевец А.К. Кузнецов в своей автобиографии пишет, что Нечаев посвятил его в планы цареубийства, которые тот обдумывал осенью 1869 г. Нечаев якобы рассказал ему о том, что цареубийство «не представляет больших трудностей и ворвавшись...во дворец и обезоружив стражу, возможно, было покончить с царем и его семьей» (Козьмин, 1929: 151–152).

Бердяев назвал Нечаева «предшественником большевизма» (Бердяев, 1990: 139). На наш взгляд, он был «законченным экстремистом» и первым относительно последовательным российским террористом.

К слову, терроризм в прошлом был «оружием молодых». Так, Нечаеву в год убийства Иванова было всего 22 года. Первые экстремисты были грамотными и по-своему убежденными людьми. Их социальное происхождение позволяет говорить о разночинском характере движения: Заичневский – дворянин, Нечаев был внебрачным сыном помещика, по рождению – крепостным.

5. Заключение

В заключении отметим, что революционный терроризм в России как форма политического оппозиционного насилия давно стал значительным фактом российской истории. Он имел как глубокие социально-экономические, так и давние исторические корни. Россия познакомилась с терроризмом без какого-либо участия или влияния последователей ислама. Корни российского терроризма связаны с революционным движением страны второй половины XIX в. В этом Россия не являлась исключением из мирового процесса развития социально-политического насилия. Терроризм в России формировался как универсальный способ решения социально-политических проблем.

Авторы отмечают, что истоки отечественного терроризма надо искать в 1860-е гг. В эти годы среди отечественных оппозиционеров начали формироваться радикальные взгляды на перспективы общественного развития страны, создавались революционные воззвания и зарождались истоки идеологии экстремизма и тактики революционного терроризма.

«Пионером» русского радикализма можно считать «первого русского якобинца» П. Заичневского (весна 1862 г.). Экстремистские традиции были продолжены в обществе Н. Ишутина, обрели практический опыт в неудачном «выстреле Каракозова» в императора (4 апреля 1866 г.), а затем вновь сформулированы в «Народной расправе» (1869 г.). Первым относительно последовательным идеологом экстремизма и представителем революционного терроризма в России является С. Нечаев. Он стал знаковой фигурой российского экстремизма своего времени и «врагом империи № 1». Его «Катехизис революционера» – первый российский квазитеррористический документ (1869 г.). В то же время организацию «Народная расправа», созданную Нечаевым, нельзя считать террористической. Единственное убийство, жестоко совершенное нечаевцами («Нечаевское дело») 21.11. 1869 г., носило, на наш взгляд, неопределенный, возможно некий «сакральный» (жертвенный) характер, но не имело четких признаков терроризирования власти и общества. Это действие можно считать лишь первым актом «внутреннего

терроризма» оппозиционеров. Эпоха революционного терроризма в России еще не наступила. В целом 1860-е гг. стали, на наш взгляд, периодом «предреволюционного терроризма» в России.

В настоящем терроризм – это крайняя форма проявления экстремизма. Мы полагаем, что подходы к проблеме терроризма очень идеологизированы, а с идеями и идеологией очень трудно бороться. Задача нашего государства – не допустить кровавого насилия революций 1905–1907 гг. и 1917 г., а также Гражданской войны в современной истории общества.

Литература

Бердяев, 1990 – Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука. 1990. С. 43–271.

Будницкий, 2000 – Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 399 с.

Вахрушев, 2011 – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С. 187–196.

Витюк, 1993 – Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // *Социологические исследования*. 1993. № 7. С. 42–50.

Витюк, Эфиров, 1987 – Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 322 с.

Гейфман, 1997 – Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 гг. / Пер. с англ. Е.Ю. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

Гилинский, 2005 – Гилинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и «что делать?» // *Философские науки*. 2005. № 9. С. 17–21.

Грачев, 1986 – Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 271 с.

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области.

Гусев, 1975 – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.

Дворянов и др., 2005 – Кременчуцкий А.Л., Дворянов Е.Я., Волков В.Ф. Международный терроризм – главная угроза XXI века. СПб.: ВАС, 2005.

Жаринов, 1999 – Жаринов К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 606 с.

Иванов, 2005 – Иванов В.Н. Феномен терроризма // *Социологические исследования*. 2005. № 7. С. 63–71.

Козьмин, 1929 – Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М.: 1929. 192 с.

Коновалова, 2010 – Коновалова О.В. Особенности терроризма в России: исторические аспекты // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2010. № 3 (7). С. 69–73.

Кропоткин, 1966 – Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.

Лурье, 2001 – Лурье Ф.М. Нечаев – созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. 130 с.

Маньков, 2017 – Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // *Вестник Чувашского университета*. 2017. № 2. С. 93–98.

Минеева и др., 2017 – Маньков А.В., Минеева Е.К. Российский революционный терроризм // *Вопросы истории*. 2017. № 7. С. 67–76.

Мохоров и др., 2003 – Карпов Е.А., Мохоров Г.А., Родин В.А. Международный терроризм: особенности его военно-политических объединений // *Военная мысль*. 2003. № 1. С. 4–11.

Рудницкая, 1997 – Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., Археографический центр, 1997. 576 с.

Седов, 1966 – Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.

Сергеенкова, 2009 – Сергеенкова В.В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // Работы исторического факультета БГУ. Минск, 2009.

Тихонов, 2009 – Тихонов А. Против террора – всем обществом // Красная Звезда. 2009. 13–19 мая. № 83 (25326). С. 8–9.

Трофимов, 1984 – Трофимов Ж.А. Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1984. 176 с.

Шайпак и др., 2017 – Маньков А.В., Волков А.П., Шайпак Л.А. Революционный терроризм и государственный террор: опыт и уроки первой российской революции (к 110-ти летию революции 1905–1907 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 1 (37). С. 15–19.

Щербаков, 2013 – Щербаков А.Ю. Терроризм. Война без правил. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2013. 464 с.

Федотова, 2003 – Федотова В.Г. Терроризм: от старого к новому // Философские науки. 2003. № 2. С. 5–25.

Mankov and others, 2016 – Mankov A. V. Mineeva E.K. Mineev A.I. Shaypak L.A. Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody*, 2016, vol. 42, iss. 4, pp. 1321–1327.

References

Berdjaev, 1990 – Berdjaev N.A. (1990). Russkaja ideja. O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture: Filosofij russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja [Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian post-October abroad]. Moscow, Nauka Publ., pp. 43–271. [in Russian]

Budnickij, 2000 – Budnickij O.V. (2000). Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologija, jetika, psihologija (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – beginning of XX century)]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 399 p. [in Russian]

Vahrushev, 2011 – Vahrushev V.A. (2011). Istoricheskie aspekty terrorizma [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennyh nauk*. No. 2 (35), pp. 187–196. [in Russian]

Vitjuk, 1993 – Vitjuk V.V. (1993). Terrorizm postperestroecnoj jepohi [Terrorism post-perestroika era]. *Sociologicheskie issledovanija*. No. 7. pp. 42–50. [in Russian]

Vitjuk, Jefirov, 1987 – Vitjuk V.V., Jefirov S.A. (1987). «Levyj» terrorizm na Zapade: istorija i sovremennost' ["Left" terrorism in the West: history and modernity]. Moscow, Nauka Publ., 322 p. [in Russian]

Gejzman, 1997 – Gejzman A. (1997). Revoljucionnyj terror v Rossii. 1894–1917 gg. [Revolutionary terror in Russia. 1894–1917]. Moscow, KRON-PRESS Publ., 448 p. [in Russian]

Gilinskij, 2005 – Gilinskij Ja.I. (2005) Sovremennij terrorizm: kto «vinovat» i «chto delat'»? [Modern terrorism: who is "guilty" and "what to do?"]. *Filosofskie nauki*. No. 9. pp. 17–21. [in Russian]

Grachev, 1986 – Grachev A.S. (1986) Politicheskij jekstremizm. Moscow, Mysl' Publ., 271 p. [in Russian]

GAUO – Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti [State Archives of the Ulyanovsk Region].

Gusev, 1975 – Gusev K.V. (1975). Partija jeserov: ot melkoburzhuaznogo revoljucionarizma k kontrrevoljucii [Party of socialist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 383 p. [in Russian]

Dvorjanov i dr., 2005 – Kremenchuckij A.L., Dvorjanov E.Ja., Volkov V.F. (2005). Mezhdunarodnyj terrorizm – glavnaja ugroza XXI veka [International terrorism – the main threat of the XXI century]. Spb., Military Academy of Communications Publ. [in Russian]

Zharinov, 1999 – Zharinov K.V. (1999). Terrorizm i terroristy: istoricheskij spravocnik [Terrorism and terrorists: historical reference]. Pod obshh. red. A.E. Tarasa. Minsk, Harvest Publ., 606 p. [in Russian]

Ivanov, 2005 – Ivanov V.N. (2005). Fenomen terrorizma [The phenomenon of terrorism]. *Sociologicheskie issledovanija*. No. 7. pp. 63–71. [in Russian]

- Koz'min, 1929** – *Koz'min B.P.* (1929). *Revoljucionnoe podpol'e v jepohu «belogo terrora»* [Revolutionary underground in the era of "white terror"]. Moscow, 192 p. [in Russian]
- Konovalova, 2010** – *Konovalova O.V.* (2010). *Osobennosti terrorizma v Rossii: istoricheskie aspekty* [Features of terrorism in Russia: historical aspects]. *Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 3 (7). pp. 69–73. [in Russian]
- Kropotkin, 1966** – *Kropotkin P.A.* (1966). *Zapiski revoljucionera* [Memoirs of a revolutionary]. Moscow, Mysl' Publ., 504 p. [in Russian]
- Lur'e, 2001** – *Lur'e F.M.* (2001). *Nechaev – sozidatel' razrushenija* [Nechaev – the Creator of destruction]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 130 p. [in Russian]
- Man'kov, 2017** – *Man'kov A.V.* (2017). *K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i jevoljucija v Rossii* [On the history of terrorism: origins, formation and evolution in Russia]. *Vestnik Chuvaschskogo universiteta*. No. 2. pp. 93–98. [in Russian]
- Mineeva i dr., 2017** – *Man'kov A.V., Mineeva E.K.* (2017). *Rossijskij revoljucionnyj terrorizm* [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii*. No. 7. pp. 67–76. [in Russian]
- Mohorov i dr., 2003** – *Karpov E.A., Mohorov G.A., Rodin V.A.* (2003). *Mezhdunarodnyj terrorizm: osobennosti ego voenno-politicheskikh ob'edinenij*. [International terrorism: characteristics, his political and military associations]. *Voennaja mysl'*. No. 1. pp. 4–11. [in Russian]
- Rudnickaja, 1997** – *Revoljucionnyj radikalizm v Rossii: vek devjattjadcatyj*. [Revolutionary radicalism in Russia: the nineteenth century]. Pod red. *E.L. Rudnickoj*. Moscow, Arheograficheskij centr Publ, 1997. 576 p. [in Russian]
- Sedov, 1966** – *Sedov M.G.* (1966). *Geroicheskij period revoljucionnogo narodnichestva* [Heroic period of revolutionary populism]. Moscow, Mysl' Publ, 364 p. [in Russian]
- Sergeenkova, 2009** – *Sergeenkova V.V.* (2009). *Problema terrorizma v teorii i praktike rossijskogo revoljucionnogo dvizhenija* [The Problem of terrorism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement]. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU*. Minsk [in Russian]
- Tihonov, 2009** – *Tihonov A.* (2009). *Protiv terrora – vsem obshhestvom* [Against terror – the whole society]. *Krasnaja Zvezda*. 13–19 maja. No. 83 (25326). pp. 8–9. [in Russian]
- Trofimov, 1984** – *Trofimov Zh.A.* (1984). *Demokraticheskij Simbirsk molodogo Lenina* [Democratic Simbirsk young Lenin]. Saratov, Privolzhskoe Publ., 176 p. [in Russian]
- Shajpak et al., 2017** – *Man'kov A.V., Volkov A.P., Shajpak L.A.* (2017). *Revoljucionnyj terrorizm i gosudarstvennyj terror: opyt i uroki pervoj rossijskoj revoljucii (k 110-ti letiju revoljucii 1905–1907 gg.)* [Revolutionary terrorism and state terror: the experience and lessons of the first Russian revolution (to the 110-th anniversary of the revolution of 1905-1907)]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. No. 1 (37). pp. 15–19. [in Russian]
- Shherbakov, 2013** – *Shherbakov A.Ju.* (2013). *Terrorizm. Vojna bez pravil* [Terrorism. War without rules]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ, 464 p. [in Russian]
- Fedotova, 2003** – *Fedotova V.G.* (2003). *Terrorizm: ot starogo k novomu*. [Terrorism: from old to new]. *Filosofskie nauki*. No. 2. pp. 5–25. [in Russian]
- Mankov and others, 2016** – *Mankov A. V. Mineeva E.K. Mineev A.I. Shaypak L.A.* (2016). *Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice*. *Bylye gody*, vol. 42, is. 4, pp. 1321–1327. [in Russian]

Пролог российского терроризма

Андрей Васильевич Маньков ^{a, *}

^a Военная академия связи имени С.М. Буденного, Российская Федерация

Аннотация. В конце XX в. для многих россиян терроризм из абстрактного понятия превратился во вполне реальное социально-политическое явление. По мнению отечественных экспертов, в XXI в. террористическая угроза для ряда государств мира только усилится, при

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 63donetsk@mail.ru (А.В. Маньков)

этом Российская Федерация не является исключением. Научное осмысление терроризма в настоящем важно в интересах дальнейшего противодействия государства террористическому насилию, имеющему место в нашем обществе. Изучение истории терроризма и сопротивления ему в прошлом – одна из насущных задач решения цели борьбы с террористической угрозой. В связи с этим обоснованным является исследовательское обращение к истокам этого явления в социально-политической жизни России. Автор отмечает, что пролог отечественного терроризма надо искать в 1860-е гг. Корни российского терроризма тесно связаны с революционным движением в нашей стране второй половины XIX в. Возникновение терроризма в России явилось, в первую очередь, следствием развития сложных социально-политических проблем.

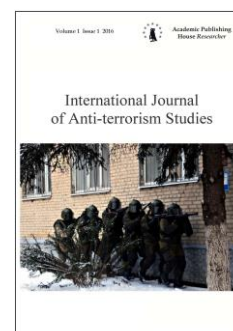
Ключевые слова: Россия, терроризм, истоки терроризма, «Молодая Россия», «Народная расправа», «Катехизис революционера», экстремизм.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2018, 3(1): 23-31

DOI: 10.13187/ijats.2017.1.23

www.ejournal50.com

Russia and the UN: Countering the Root Causes of Terrorism

Annick Valleau ^a, Rodolphe Droalin ^{b, *}^a Global Studies Institute, University of Geneva, Switzerland^b French-Russian Studies Center in Moscow – National Center for Scientific Research (CNRS), Center for Russian, Caucasian and Central European Studies (CERCEC) – EHESS, France

Abstract

This article examines the international community's efforts in elaborating and enacting counterterrorism preventive measures to address the conditions conducive to the spread of terrorism. Special emphasis is placed on the comprehensive approach to counterterrorism, which provides for the inclusive participation of non-state actors in the fight against violent extremism. The authors argue that the task of strengthening the preventive pillar of international cooperation is hampered by multiple tensions and divergent views that have, inter alia, hindered the adoption of the Comprehensive Convention on International Terrorism with its universal definition of terrorism.

The authors also analyze the growing influence of the Russian Federation within the UN's counterterrorism entities, as well as its position regarding the new participatory trend of international security policies. Russia's national approach to counterterrorism involves the close collaboration between state and non-state actors with the purpose of fostering multiethnic and interreligious tolerance through counterterrorism propaganda and the promotion of patriotism. Accordingly, Russia strongly supports international initiatives to counter the ideology of terrorism through the regulation of the virtual space, while fervently upholding the principles of the sovereignty of States and non-interference in domestic affairs.

The authors concluded that Russia's perspective on counterterrorism openly clashes with the Western approach centered on the democratic community-based response to terrorism. Moreover, the human rights driven approach for military interventions in sovereign States, promoted by Western countries, is not compatible with the principles of sovereignty defended by Russia. In the light of the increasing leverage of Russia and of regional platforms, such as the Shanghai cooperation organization, within the counterterrorism branches of the UN, the authors suggest that the Russian vision of international counterterrorism policies grounded in values of State sovereignty could eventually prevail over the Western stance of democracy promotion through the prism of the Global War on Terror.

The sources used in this paper include official UN documents such as resolutions, statements and press releases. Academic and NGO studies on counterterrorism, newspaper articles as well as declarations of the Russian government also complete the authors' reflections.

Keywords: counterterrorism, the United Nations, the UN Global Counter-Terrorism Strategy, the Shanghai cooperation organization, Russia, preventive measures, counternarratives, the ideology of terrorism, inclusive participation, civil society.

* Corresponding author

E-mail addresses: annick.valleau@unige.ch (A. Valleau), rodolphedroalin@gmail.com (R. Droalin)

1. Introduction

One of the major challenges facing the international community is to build, develop and coordinate a comprehensive and inclusive response to the growing global threat of terrorism. Nowadays, international organizations and their Member States share the observation that the regal powers of sovereign States do not suffice to tackle violent extremism.

Encouraging non-state actors, including civil society, to lend a hand to state and law enforcement actors in the fight against terrorism is a strategy that United Nations (UN) Member States perceive as necessary and innovative. What is more, bringing together the anti-terrorist potential offered by all state and non-state actors has become an inescapable imperative, which falls within the context of international efforts aimed at developing consistent counterterrorism preventive measures to address and combat the root causes of terrorism.

A great player in the prevention of terrorism on the international stage is Russia, a permanent member of the Security Council which has, in recent years, increased its geopolitical and diplomatic influence over the counter-terrorism architecture of the UN. Russia is very proactive in promoting international legal tools to broaden the fight against terrorism and to give a new impetus to the UN's counterterrorism mandate. However, long-standing disputes regarding the nature and implementation of counterterrorism measures stall the development of a universal strategic approach to global security which leaves the future of international counterterrorism cooperation widely open and uncertain.

2. Discussion

The UN and counterterrorism: building complexity and defining the undefinable

The founding stones of the UN's counter-terrorism architecture were laid in 1999 when the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team to report to a Sanctions Committee of the Council in 1999 was created following Al-Qaeda's simultaneous attacks on two American embassies in 1998. 9/11 triggered the creation of a new Counter-Terrorism Committee which was complemented, in 2004, by the Counter-Terrorism Committee Executive Directorate (CTED). During the same year, the counter-terrorism structure of the UN was further modified by the creation of a Committee of the Council and a Group of Experts to prevent non-state actors from getting hold of weapons of mass destruction. In 2006, the Counter-Terrorism Implementation Task Force (CTITF), composed of many entities from within and outside the UN system, was established. The CTITF brings together Thematic working groups which echo the UN's responses to terrorism and its Global Strategy main guidelines. In 2011, further extra-budgetary funds from various Member States were channeled into the creation of the United Nations Counter-Terrorism Centre (UNCCT) to ensure optimal support of Member States seeking to implement the Global Strategy.

The complex counterterrorism architecture, characterized by multilayered and overlapping mechanisms, had long been subject to criticism and led to the creation of a new United Nations Office of Counter-Terrorism following the adoption of resolution 71/291 in June 2017. Vladimir Ivanovich Voronkov of the Russian Federation was appointed as Under-Secretary-General and head of the Office of Counter-Terrorism, a decision firmly supported by the Russian delegation ([Ambassador V. Nebenzia, 28/06/2017](#)). A 2 million US dollars voluntary contribution was allocated to the budget of the United Nations Office of Counter-Terrorism (OCT) by the Russian Government. In addition, from 2019 onwards Russia will allocate 500 thousand US dollars per year to finance the activities of the OCT ([Permanent Mission of the Russian Federation, 2018](#)). The aim of the new office is to strengthen coordination and efficiency, as well as to provide a strategic leadership to the UN in its counterterrorism efforts ([Baage, Stoffer, 2017](#)). Countering the root causes of terrorism and enacting counterterrorism preventive measures is among the chief priorities of the OCT.

The first UN counterterrorism treaties were signed in the 1960s and 1970s as a response to the widespread practice of hijacking and unlawful seizure of aircrafts ([UN Action against Terrorism](#)). In this regard, one can recall the Conventions on Offences and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft (1963), for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft (1970) and the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (1971) ([UN Action Against Terrorism](#)). The UN Global Counter-Terrorism Strategy, adopted by consensus in the form of a

resolution on 8 September 2006, reflects the goal of the General Assembly of redoubling efforts to combat terrorism at the national, regional and international levels and marks the first time “*that all UN Member States of the United Nations have agreed to a common strategic and operational framework to fight terrorism*” ([UN Action Against Terrorism](#)).

Its Plan of Action is based on 4 pillars: addressing the conditions conducive to the spread of terrorism, preventing and combatting terrorism, building Member States’ capacity to prevent and combat terrorism, and ensuring the respect for human rights and the rule of law ([UN Action Against Terrorism](#)). The strategy calls for collective counterterrorism measures and smart policies encompassing all segments of society: civil society, regional organizations and the private sector. Moreover, it expands the field of conflict resolution by introducing two new dimensions: on the one hand, the inclusive participation of civil society organizations and, on the other hand, informal collective measures in the fight against terrorism. If the UN Global Counter-Terrorism Strategy calls for the engagement of the civil and business sectors in the fight against terrorism, as well as for the facilitation of inter-civilization dialogue and religious tolerance, it is Russia that advocated these pioneering initiatives within the United Nations General Assembly ([Rogachev, 2007](#)).

Yet it is known that Russia strongly upholds the respect of the principles of sovereignty and equality of States, as well as non-interference in domestic affairs in the frame of international antiterrorism cooperation. As such, the Russian position vehemently opposes any attempt, within counterterrorism efforts, to disregard legitimate governments’ proprieties in support of “independent” actors or “international civil society”, which in Russia’s view, are likely to destabilize countries and exacerbate terrorist threats ([Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation](#)). This said, the comprehensive and participatory component of the international approach to counterterrorism was further reinforced through the adoption of resolution 2250 on 9 December 2015. This unprecedented resolution, which strengthens the foundations of the preventive pillar of the fight against terrorism at the international level, encourages UN Member States to put in place inclusive mechanisms at the national level to ensure youth participation, especially in the fight against violent extremism ([Security Council Resolution 2250, 2015](#)).

According to Anne Aly, Australian professor and expert in terrorism, the inclusive participation of companies, regional and transnational actors and civil society organizations in the fight against violent extremism is a new trend in international security policies. This “smart” counterterrorism strategy is also in line with the conclusions reached in 2008 by former United Nations Secretary-General Ban Ki-moon: “*The best response to a corrosive, malevolent ideology is a strong assertion of collective resistance.*” However, some scholars might argue that the malleable and broad interpretation of terrorism in the national laws of Member States, gives a deeply ambivalent role to civil society in the security field. In this regard, the greatest concern is that States may be given the green light to clampdown on civil society and opposition groups under the pretext of fighting terrorism.

In this context, the outstanding issue, of course, remains the absence of a universal definition of the concept of terrorism. In 1996, India first pushed for the ratification of a Comprehensive Convention on International Terrorism providing a universal definition of terrorism and enhancing prosecution and extradition of terrorists. Yet the negotiation process surrounding the adoption of the Convention is in a limbo since 1996 due to a lack of consensus over the definition of terrorism. The question of integrating the notion of the legitimacy of the struggle of peoples for independence and self-determination into the wording of the Convention provoked considerable tensions which hindered its adoption. More specifically, the *Ad Hoc* Committee, in charge of drafting the Convention when negotiations started in 2001, faced two divergent trends. On the one hand, the Organization of the Islamic Conference supported a clear distinction between the generic term of “terrorism” and acts committed to defend the right to self-determination. On the other hand, many Western-European States favored a criminal law definition omitting self-determination which was perceived as a broader political issue.

The United Nations provided its first definition of “terrorist acts” in resolution 49/60, adopted by the General Assembly on 9 December 1994 which draws a parallel between terrorism and “provoking a state of terror”. In turn, it deflects the issue of drawing a line between the concepts of “freedom fighters” and “terrorists” defining terrorist acts as: “*Criminal acts intended or calculated to provoke a state of terror in the general public, a group of persons or particular persons for political purposes are in any circumstance unjustifiable, whatever the considerations*

of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or any other nature that may be invoked to justify them" (UN General Assembly, 09/12/1994).

Spreading terror or intimidating the population are also key elements of Security Council Resolution 1566 (2004) on Threats to international peace and security caused by terrorist acts. As in the previous case, no mention is made of the distinction between "terrorists" and "freedom fighters". Terrorist acts are summed up once more as criminal acts, including against civilians: *"Committed with the intent to cause death or serious bodily injury, or taking of hostages, with the purpose to provoke a state of terror in the general public or in a group of persons or particular persons, intimidate a population or compel a government or an international organization to do or to abstain from doing any act, [...] are under no circumstances justifiable by considerations of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or other similar nature"* (Security Council Resolution 1566, 2004).

The main pitfalls which are associated with the ratification process of the Convention on International Terrorism also concern the open question of whether to exclude potential offenses perpetrated by national armed forces from the definition of terrorism. Christian Walter, co-author of "Defining Terrorism in National and International Law", explains the failure of the United Nations to define terrorism in the following terms: *"UN action against terrorism reveals that freedom fighters and the question of whether or not the official forces of a State can commit terrorist offenses has always rendered debates on defining terrorism very difficult"* (Walter, 2004: 23-45).

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) including China, Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan as its founding State Members is, unlike the UN, very proud of its accomplishments in defining the phenomenon of terrorism. SCO Secretary-General Alimov Rašid Kutbiddinovič claimed in 2016 that the SCO is the only organization that has so far developed and unanimously adopted a definition of terrorism (SCO, 2016). Article 1 of the 2001 Shanghai Convention on Combatting Terrorism, Separatism and Extremism presents the organization's first definition of terrorism: *"Terrorism means: (a) Any act recognized as an offence in one of the treaties listed in the Annex to this Convention (hereinafter the Annex) and as defined in that treaty; (b) Any other act intended to cause death or serious bodily injury to a civilian, or to any other person not taking an active part in the hostilities in a situation of armed conflict, or to cause significant damage to any physical object, as well as the organization, planning, abetting or incitement of such an act, when the purpose of the act, by its nature or context, is to intimidate a population, disrupt public security or compel the authorities or an international organization to carry out or abstain from carrying out an act, and subject to criminal prosecution under the national legislation of the Parties"* (Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism, 15/06/2001).

The SCO's definition of terrorism contains many elements that echo international standards. For instance, it emphasizes the intentional nature of the act (to cause death), its purpose (to provoke terror), its victims (civilians) and the perpetration of the act itself. However, the rather vague expression "disrupting public safety" seems to broaden the scope of the act of terrorism, thereby including in its definition crimes against the state. As suggested by Human Rights in China: *"This ambiguity could permit a state to cast as terrorism those social movements it characterizes as a threat to "public security", without any evidence of actual or threatened harm to individual members of a population"* (HRIC, 2011: 43). The SCO definition of terrorism is enshrined in the broader doctrine of the "three evils": terrorism, separatism and extremism. The Chinese government has played a leading role in formulating this very particular conceptual triad, which has oftentimes been criticised of favouring an interchangeable use of the three crimes it rests upon. For its part, the Russian antiterrorism legislation has been a major source of inspiration for SCO security definitions.

Russia's journey to counterterrorism leadership

Since the attacks of 11 September 2001, the Russian Federation suggests it has played a dynamic and leading role in the consolidation and strengthening of the international coalition against terrorism in the framework of the UN (Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). Furthermore, Russia regularly asserts it attaches paramount importance to the UN's security coordination function: *"The Russian Federation is firmly convinced that the global*

terrorist threat should be tackled jointly on the basis of a truly collective approach with the central coordinating role of the United Nations and respect for international law while refraining from double standards” (Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation).

The Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Shanghai cooperation organization (SCO) and the Commonwealth of Independent States (CIS) are the regional organizations in which Russia plays a dominant role. They have all signed memorandums of understanding with UN structures and actively cooperate in the security field. Strengthening collaboration between the UN and these international regional organizations is a great priority for Russia, as stated by Vladimir Putin in 2003: *“I think it will be useful to increase work within the framework of the UN with regional international structures. This is the direct path to the growth of economic prosperity in various parts of the world. And accordingly, to limit potential threats, and support a general strategic balance in the world” (Putin, 2003).*

The Russian Federation underscores it has long-standing experience in the fight against terrorism and has embraced, since the early 2000s, a cross-cutting and inclusive approach to the prevention of terrorism. Moreover, following the adoption of the UN Global Strategy, Russia states it has *“established a completely new security system for combating terrorism, and in those 11 years, the terrorist threat in Russia has been drastically reduced” (Ambassador A Nebenzia, 28/06/2017).* More should be done, in Russia’s view, to enhance international counterterrorism cooperation which, however, faces the obstacle of a lack of consensus regarding its nature and implementation. The Russian delegation has long been encouraging the drafting of the Comprehensive Convention Against International Terrorism, a Convention Against Nuclear Terrorism (Fedotov, 18/08/2003), as well as a Universal Convention to combat cybercrime under the umbrella of the United Nations. On another note, both Russia and China have even advocated the creation of a global “united front” to combat terrorism after the terror attacks in Paris (Aneja, 2015). Already in 2003, Deputy Russian Foreign minister Yuri Fedotov asserted: *“We highlight the task of forming a truly universal antiterrorist front, with the Security Council Counter-Terrorist Committee playing the central role and developing interaction with regional and subregional organisations. Russia will continue to assist the Counter-Terrorist Committee to develop working contacts with the antiterrorist bodies of the CIS and the Shanghai Co-operation Organization” (Fedotov, 18/08/2003).*

In Vladimir Putin’s annual address to the Federal Assembly in 2015, the Russian president once more stressed the need to discard all disputes and differences to create a “powerful fist”, i.e. a single anti-terrorist front founded on the basis of international law and under the auspices of the United Nations (Kremlin, 03/12/2015). Russia’s disappointment vis-à-vis the international community’s counterterrorism strategy stems from its reluctance to invoke the principle of reciprocity. Indeed, the UN has not yet harmonized existing treaties on extradition and the transfer of criminal proceedings. Resolution 2322, adopted by the Security Council in 2016, enhances international judicial cooperation in the fight against terrorism as well as information sharing but does not call for the harmonization of extradition proceedings (Security Council Resolution 2322, 2016). Instead, extradition agreements have been signed within the CSTO and the CIS. Likewise, the SCO has enshrined the principle of mutual recognition in the 2005 Concept of Cooperation, leading to the unconditional expulsion and extradition of suspects (Zaum, 2013: 175), which has very much been criticized by human rights defenders and Western countries.

Russia believes the most urgent tasks in the global fight against terrorism are related to six key areas: *“strengthening international counter-terrorism cooperation; preventing violent extremism; addressing the use of the Internet by terrorists; enhancing intercultural dialogue; addressing the threat of foreign terrorist fighters; and increasing the exchange of information and good counter-terrorism practices.” (Voronkov, 2017)* Russia’s national contribution to enhance the global fight against terrorism is in part linked to the detecting and blocking of the illicit financial flows of drug trafficking. It was indeed under Russian initiative that the Financial Action Task Force’s (FATF) main task became to counter terrorist financing with a special focus on identifying the channels of ISIL’s financial support. Moreover, it should be stressed that: *“For the first time in the 25-year history of the FATF, upon the initiative of Russia, changes were made to the universal standards for combating the financing of terrorism, which now explicitly prohibit not only financial, but also any other kind of material support to ISIL, including trade in*

hydrocarbons and other natural resources" (Ministry of Foreign Affairs of The Russian Federation).

Such accomplishments are due to Russia's efforts leading to the amendment of FATK standards to ensure the comprehensive implementation of UN Security Council resolutions 2199 and 2253 (Feoktistov, 12/12/2016). Also, it was the Russian Federation which sponsored in 2015 the adoption of the milestone UN Security Council resolution 2199 on countering the financing of ISIL, Al-Nusrah Front, Al-Qaida and other terrorist groups (Voronkov, 04-05/04/2018). Likewise, Russia initiated the draft resolution *Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security*. This resolution established the UN Group of Governmental Experts on International Information Security in 2016, which analyses the application of international law in the field of States' use of ICTs and examines the norms and principles of responsible behavior of States, confidence-building and capacity-building (Ministry of Foreign Affairs of The Russian Federation).

At the core of Russia's counterterrorism concerns lies the digital sphere and the fight against the propaganda of terror on the Internet. Virtual space is to be steadily regulated and is in need, in Russia's opinion, of the adoption of "universal rules of responsible behavior of States" to ensure greater international information security cooperation. As specified by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: *"Such rules should enshrine in the digital sphere the principles of the non-use of force, respect for national sovereignty, non-interference in the internal affairs of other States, respect for fundamental human rights and freedoms, as well as equal rights of all States to participate in the governance of the Internet"* (Ministry of Foreign Affairs of The Russian Federation).

Together with the Member States of the SCO, Russia submitted in 2011 "The International Code of Conduct for Information Security" (the "Code") to the UN General Assembly. The document was later revised in 2015 and aims to develop rules of behavior in the digital space, as well as to extend the notions of sovereignty and territorial integrity to the virtual sphere, which according to scholars, may be problematic under international human rights law. Unrestricted control over the digital medium and its content could indeed contradict to rights to privacy, freedom of opinion and expression (McKune, 2015).

Over the past years, the Kremlin has prioritized the counteraction of terrorist ideology not only on the international level, but also in its national antiterrorist measures. It therefore comes as little surprise that Russian legislation defines terrorism both as a practice of provoking terror and as an ideology of violence. As stated by Vladimir Voronkov, Under-Secretary-General for Counter-Terrorism at the VII Moscow Conference on International Security, in 2018: *"We can put terrorists in jails, but we cannot put ideas in jail. We must confront terrorism on the emotional and ideological level to win hearts and minds, and in the first place - of the youth. This has become an essential component of our fight against terror – perhaps the most difficult yet most important part of our battle for ultimate victory"* (Voronkov, 04-05/04/2018). Tackling the scourge of homegrown terrorism is a task that countries carry out in accordance with their own historical background, norms and system of values. For example, Western countries, namely the US, the United Kingdom and EU States, resort to enhancing the community-based, democratic civil society response to the threat of domestic terrorism. In contrast, Russia's approach to the prevention of terrorism involves fostering mutual respect and understanding among its multiple ethnic and religious groups and promoting national patriotic values (UN, 2016). This is because the Kremlin considers that the strength of Russia lies in the free development of its peoples, in the harmonious diversity of cultures, languages and traditions, as well as in the mutual respect and dialogue between Orthodox, Muslims, Hebrew and Buddhist followers (Kremlin, 2015). Russia has for centuries contained the threat posed by the radicalization of its native Muslim population. Only recently is it also facing the menace of radicalized Muslim migrants whilst the Western approach to counterterrorism mainly focuses on first and second generation Muslim migrant diasporas. As Ekaterina Stepanova, Lead Researcher and Head of Peace and Conflict Studies at the Institute of the World Economy & International Relations, puts it while comparing the US and Russian approach to counterterrorism: *"Russia's experience may actually be of high relevance for the United States on how to avoid "securitizing" large well- integrated domestic Muslim populations (despite heavy security pressures and a harsh stance against fringe Islamist extremists)"* (Stepanova, 2016).

Russia strongly believes that only a strong full-fledged civil society can ensure the success of its national counterterrorism strategy. However, the Russian perspective underpins civil society organizations sponsored by the State which have demonstrated their readiness to collaborate with governmental entities. Nowadays in Russia, there are many federal and regional programs that promote the counterterrorism partnership between the government and civil society organizations to address the conditions conducive to the spread of the ideology of terrorism. In 2015, Russia established its Federal Agency for Ethnic Affairs, which focuses on inculcating multiethnic and interreligious tolerance in Russian society, and the youth is undoubtedly under the spotlight of the Kremlin's preventive counterterrorism efforts. The Federation's Comprehensive Plans of Terrorism-Supportive Ideology Counteraction (for the periods of 2008-12 and 2013-18) provide the outline of preventive measures to counter the spread of terrorist narratives and to preserve the "hearts and minds" of its citizens. Municipal commissions for the reconciliation, social reintegration and adaptation to peaceful life foster sports activities, cultural projects and works of charity to ensure the positive development of the Russian youth, keeping it away from violent external influence. Moreover, according to the decree "On the Terms of Reference of the Federal Executive Authorities Answerable to the Russian Federation Government in the Field of Counterterrorism", federal agencies must actively participate in the prevention of terrorist ideology on Russian grounds. For example, the Education and Science Ministry introduced materials aimed at counteracting terrorist narratives in the curricula of all education institutions across Russia and provides training programs for higher education institutions focused on terrorism ideology counteraction. Other counterterrorism governmental commissions publish positive antiterrorist messages on the Internet and organize events to promote patriotism and multiethnic harmony in collaboration with Russian civil associations (UN, 2016).

With its extensive national experience in this field, Russia is unsurprisingly a driving force on the counternarrative front of the international fight against terrorism. In 2006, the Russian delegation submitted a draft resolution on Counteraction to terrorist and radical extremist ideology to the Security Council. Fraught with controversy and fierce criticism, this resolution was "*the first international call for criminalizing the instigation to terrorism and public advocacy thereof*" (UN, 2016). The torch of countering terrorist narratives was later taken up by Egypt, member of the non-aligned movement, which sponsored resolution 2354, unanimously adopted by the Security Council in 2017. The new framework encourages various actors of civil society, including the youth, families and education leaders to engage in the counteraction of terrorist narratives. It also calls for States to:

"Consider supporting the efforts aimed at raising public awareness regarding counter terrorist narratives through education and media, including through dedicated educational programs to pre-empt youth acceptance of terrorist narratives" (Security Council Resolution 2354, 2017).

According to human rights defenders, the Security Council's new guidelines on countering terrorist narratives fail to deploy a human rights approach. For instance, FIDH reports that the document does not take into due consideration the human rights abuses conducive to terrorist violence, leaves the definition of "narratives" open to national interpretation and does not provide recommendations as to how freedom of expression should be preserved while countering terrorism (FIDH, 2017). In addition, the resolution was drafted and approved without consultation of civil society human rights associations. In the light of this, the assumption put forward by human rights activists is the following: "*This rhetoric of targeting terrorism and extremism on the internet and eradicating terrorist ideologies has been used against human rights defenders, civil society organizations, the press, bloggers, and individuals*" (FIDH, 2017).

Within this framework, a thorny issue which goes to the root of political differences is Russia's and the non-aligned movement's will to place national sovereignty as the foundation of the international response to global security challenges. Such a position openly contradicts the human rights driven approach for military interventions in sovereign States promoted by Western countries, as well as the effort to stand for civil liberties while pursuing security interests. Besides, if Western countries uphold the view of independent civil society promoting and protecting human rights, Russia in contrast sponsors government-led civil society defending national values of patriotism and multiethnic harmony.

3. Conclusion

On the international stage today, Russia's comparative strength in countering terrorism is reflected through the areas of cooperation it is promoting: the fight against the ideology of terrorism and its narratives through the regulation of the virtual space and the strengthening of interethnic and interreligious tolerance together with the suppression of the financing of terrorism. Further, Russia calls upon the overall enhancement of international judicial cooperation in the aim of harmonizing, amongst other things, extradition proceedings of terrorist suspects. In this sense, enhanced interregional judicial cooperation has been achieved within the SCO, the CSTO and the CIS, which increasingly interact with UN structures, namely in the security field. The appointment of Vladimir Ivanovich Voronkov, head of the new Office of Counter-Terrorism, also casts a light onto Russia's growing influence within the counterterrorism entities of the UN, providing it leeway to push its national agenda on international counterterrorism policies.

The analysis of the UN counterterrorism strategy reveals the discrepancies between Member States in addressing the root causes of terrorism and in elaborating efficient preventive measures to tackle the spread of the ideology of violent extremism. Striking a balance between the Western and the Russian approach to countering terrorism is a difficult task, unveiling ideological and political confrontations. The increasing leverage of Russia within the counterterrorism architecture of the UN could lead to a shift of paradigm whereby the principle of sovereignty of the State, legitimizing the strict regulation of the digital sphere and encouraging government-led civil society groups to counter terrorist ideologies in collaboration with State entities, could replace the Western approach of democracy promotion through the prism of the Global War on Terror. One thing is certain, in a context in which the ratification process of the Comprehensive Convention on International Terrorism is in a deadlock and a universal definition of terrorism fails to reach international consensus, Russia unceasingly pushes for greater global security collaboration mirroring, when possible, its national approach to counterterrorism.

References

- Ambassador V. Nebenzia, 2017** – *Ambassador V. Nebenzia*, the 71st General Assembly meeting on the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy (Agenda item 118). URL: http://russiaun.ru/en/news/ga_cntr
- Aneja, 2015** – *Aneja Atul* (2015). China and Russia call for a global counter-terrorism front following Paris attacks. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/china-and-russia-call-for-a-global-counterterrorism-front-following-paris-attacks/article7883746.ece>
- Baage, Stoffer, 2017** – *Baage Hassan O., Stoffer Howard* (2017). Strengthening the United Nations' Strategic Approach to Countering Terrorism. URL: <https://icct.nl/publication/strengthening-the-united-nations-strategic-approach-to-countering-terrorism/>
- Fedotov, 18/08/2003** – RIA Novosti interview with deputy Russian foreign minister Yuri Fedotov in connection with the UN General Assembly 58th session, 2003. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/506330
- HRIC, 2011** – Human Rights in China (HRIC). Counter-Terrorism and Human Rights: The Impact of the Shanghai Cooperation Organization, 2011.
- Kremlin, 03/12/2015** – Address at the Federation President's Gathering, 03/12/2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>
- Ministry of Foreign Affairs...** – Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, "Russia's role in mobilizing efforts to respond to the challenge of international terrorism and extremism and in countering new challenges and threats". URL: http://www.mid.ru/en/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/novye-vyzovy-i-ugrozy?_101_INSTANCE_zwI2FuDbhJx9_redirect=http%3A%2F%2Fwww.mid.ru%2Fen%2Fdiverse%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_zwI2FuDbhJx9%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_pos%3D2%26p_p_col_count%3D6
- Permanent Mission of the Russian Federation, 2018** – Press Release of the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations on a voluntary financial contribution to the budget of the United Nations Office of Counter-Terrorism, 2018. URL: <http://russiaun.ru/en/news/counterterrorism220118>
- Putin, 2003** – *Putin Vladimir* (2003). Speech at the 58th session of the General Assembly of the United Nations. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22128>

Rogachev, 2007 – *Rogachev A.* Global and Regional Cooperation in Countering International Terrorism: Russia's perspective, ASEAN, 2007. URL: http://aseanregionalforum.asean.org/files/Archive/14th/Second_ARF_EEP_Meeting_Manila/igor.pdf

SCO, 2016 – General'nyj sekretar' SHOS, «15 let SHOS: dostizhenija i perspektivy», 2016, URL: <http://rus.sectesco.org/news/20160504/87515.html>

Security Council Resolution 1566, 2004 – Security Council, Resolution 1566 (2004). URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/no454282.pdf>

Security Council Resolution 2250, 2015 – Security Council, Unanimously Adopting Resolution 2250 (2015). Urges Member States to Increase Representation of Youth in Decision-Making at All Levels, 2015. URL: <https://www.un.org/press/en/2015/sc12149.doc.htm>

Shanghai Convention..., 15/06/2001 – Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism, Adopted in Shanghai on 15 June 2001, In force on 29 March 2003, Depositary: People's Republic of China. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/d6956b09-en.pdf?expires=1485701395&id=id&accname=ocid177643&checksum=5E1AA36895F96FoF5B887ADC8A2DDA39>

UN Action against terrorism – URL: <http://www.un.org/fr/counterterrorism/legal-instruments.shtml>; <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/en/un-action-counter-terrorism>

UN General Assembly, 09/12/1994 – United Nations, General Assembly, A/RES/49/60, 9/12/1994. URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/49/a49r060.htm> **Security Council Resolution 1566, 2004** – United Nations, Security Council, Resolution 1566 (2004). URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/no454282.pdf>

Walter, 2004 – Walter Christian (2004). Defining Terrorism in National and International Law, in: Walter Christian and al., *Terrorism as a Challenge for National and International Law: Security versus Liberty?* Berlin, New York: Springer, 2004.

Security Council Resolution 2322, 2016 – Security Council, Resolution 2322. Aiming to Strengthen International Judicial Cooperation, 2016. URL: <https://www.un.org/press/en/2016/sc12620.doc.htm>

Zaum, 2013 – *Zaum Dominik* (2013). Legitimizing International Organizations. Oxford University Press, 2013, 248 p.

Voronkov, 2017 – *Voronkov Vladimir* (2017). New Counter-Terrorism Office Will Be Vital to Global Security, Preventing Violent Extremism. URL: <https://www.un.org/press/en/2017/sc13011.doc.htm>

MacKune, 2015 – *McKune Sarah* (2015). Will the SCO states' efforts to address "territorial disputes" in cyberspace determine the future of international human rights law? URL: <https://citizenlab.ca/2015/09/international-code-of-conduct/>

Feoktistov, 12/12/2016 – *Feoktistov Dmitry* (2016). Deputy director of the Department "On new challenges and threats of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation" at the Special joint session of the UN Security Council Counter-Terrorism Committee, the UN Security Council ISIL and Al-Qaida Sanctions Committee, the FATF and other relevant multilateral organizations. URL: http://russiaun.ru/en/news/cm_sts

Voronkov, 04-05/04/2018 – *Voronkov Vladimir* (2018). Under-Secretary-General for Counter-Terrorism at the VII Moscow Conference on International Security, 4-5 April 2018, Moscow. URL: <http://www.unrussia.ru/en/taxonomy/term/4/2018-04-05-0>

UN, 2016 – UN. The System of the Terrorism-Supportive Ideology Counteraction in the Context of Russia's All-National Counterterrorism System, 2016. URL: <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2016/12/UNCTC.-Ilyin-11.2016---.pdf>

Stepanova, 2016 – *Stepanova Ekaterina* (2016). How and Why the United States and Russia Can Cooperate on Terrorism, *PONARS Eurasia Policy*, Memo No. 450, 2016. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm450_Stepanova_Nov2016_2.pdf

Security Council Resolution 2354, 2017 – Security Council, Resolution 2354 (2017). URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2354%282017%29&referer=english/&Lang=E

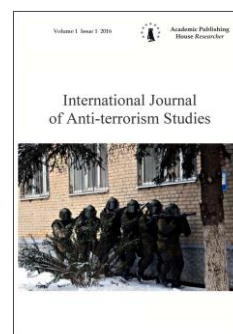
FIDH, 2017 – *FIDH*. The United Nations Counter-Terrorism Complex Bureaucracy, Political Influence and Civil Liberties, 2017. URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/9.25_fidh_final_compressed-2.pdf

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2018, 3(1): 32-36

DOI: 10.13187/ijats.2017.1.32

www.ejournal50.com

Letters to the Editorial Board

Actions Under the Threat of a Terrorist Attack

Yuri F. Katorin ^{a, *}^a Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

Abstract

This article describes the main actions taken when your organization receives information about the threat of a terrorist attack, either by phone or by mail; a list of the main questions to be asked when receiving telephone messages with threats of a terrorist or criminal nature is given, as well as the actions of a preventive nature, which can provide substantial assistance to law enforcement agencies.

Keywords: terrorist act, personnel actions, threat signal.

1. Введение

Как угроза национальной безопасности России терроризм охватывает своим деструктивным воздействием все основные сферы общественной жизни страны. Непосредственные насильственные посягательства на жизнь, здоровье и имущество граждан, а также на материальные объекты различного назначения влекут за собой тяжкий ущерб для безопасности населения и экономики страны. Одновременно они подрывают устойчивость политической системы общества, стабильность политического курса, а в ряде случаев даже парализуют действия властей и способствуют подрыву их авторитета среди населения (Устинов, 2002).

Таким образом, терроризм стал одним из наиболее опасных вызовов безопасности общества. Особую опасность он представляет для крупных объектов, образовательных, политических, экономических и культурных центров. Террористические акты становятся все более масштабными и разнообразными по формам проявления и использованию технических средств. Учитывая возможность совершения террористических актов и иных преступлений на территории учреждения или организации, их руководителям надлежит разработать инструкции и планы действий на случай возникновения различных видов ЧС. При этом особое внимание следует уделить действиям персонала не только в процессе проведения, но и при получении угрозы осуществления теракта (Солодовников, 2015).

2. Материалы и методы

Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная техническая и справочная литература по обеспечению безопасности

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@mail.ru (Y.F. Katorin)

при проведении особо опасных работ и предотвращения террористических актов, а также официальные государственные, ведомственные, нормативные правовые акты России.

В ходе анализа источников и литературы, а также в выводах, являющихся итогом исследования, автор, используя метод историко-сравнительного анализа, стремится к научной объективности, непременным условием которой выступает фундаментальный методологический принцип историзма, а также широко применен историко-описательный метод. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ и синтез, диалектический, системный, логический) методы.

3. Обсуждение и результаты

Поступление угрозы по телефону

Нередко телефон является одним из каналов поступления сообщений о заложенных ВУ, о захвате людей в заложники, вымогательстве и шантаже. Не оставляйте без внимания ни одного подобного сигнала. Существенную помощь правоохранительным органам окажут следующие действия предупредительного характера:

- проведение инструктажей персонала о порядке действий при приеме телефонных сообщений с угрозами террористического характера;

- оснащение телефонов объекта, указанных в официальных справочниках, автоматическими определителями номера (АОН) и звукозаписывающей аппаратурой (Каторин и др., 2013: 68).

При приеме телефонных сообщений с угрозами террористического или криминального характера необходимо выполнять следующие рекомендации.

Не впадайте в панику, будьте спокойны, вежливы.

Представьте и постарайтесь успокоить говорящего, не прерывайте его.

Заверьте его, что все требования будут переданы администрации, и для этого вы должны их подробно записать и правильно понять.

При наличии магнитофона включите его и поднесите к телефону. Если имеется магнитофон, подключенный к телефону, включите запись. Сошлитесь на плохую слышимость, просите повторить сказанное, чтобы выиграть время и полностью записать разговор.

Если возможно, еще в процессе разговора сообщите о нем коллеге для организации определения номера, а также руководству объекта.

Постарайтесь дословно запомнить разговор и зафиксировать его на бумаге.

По ходу разговора отметьте пол, возраст звонившего и особенности его (ее) речи:

- голос: громкий, тихий, высокий, низкий, резкий, приятный, возбужденный, другие особенности;

- речь: быстрая, медленная, неразборчивая, искаженная;

- дефекты: заикается, говорит «в нос», шепелявит, картавит и иные;

- язык: отличный, хороший, посредственный, плохой, другое;

- произношение: отчетливое, искаженное, с акцентом или диалектом;

- акцент: местный, неместный, иностранный, региональный, какой национальности;

- манера речи: спокойная, сердитая, разумная, неразумная, последовательная, непоследовательная, осторожная, эмоциональная, насмешливая, назидательная, развязная, с издевкой, с нецензурными выражениями (Нестик, Соснин, 2008: 64-66).

Обязательно отметьте звуковой фон (шум автомашин или железнодорожного транспорта, самолетов, заводского оборудования, звук телерадиоаппаратуры, голоса, смешение звуков, признаки вечеринки, другое).

В любом случае постарайтесь в ходе разговора получить ответы на следующие вопросы:

- куда, кому, по какому телефону звонит этот человек?

- какие конкретные требования он (она) выдвигает?

- выдвигает требования он (она) лично, выступает в роли посредника или представляет какую-то группу лиц?

- на каких условиях он (она) или они согласны отказаться от задуманного?

- как и когда с ним (с ней) можно связаться?

- кому вы можете или должны сообщить об этом звонке?

Постарайтесь добиться от звонящего максимально возможного промежутка времени для принятия вами и вашим руководством решений или совершения каких-либо действий (Белашева и др., 2016: 78).

Если имеется форма принятия сообщения об угрозе взрыва, используйте ее для записи всей полезной информации.

Особенно важна информация о месте размещения взрывного устройства и времени взрыва. Если говорящий не сообщает такие сведения, постарайтесь получить их во время разговора, задавая следующие вопросы:

Когда бомба должна взорваться?

Где находится бомба сейчас?

Как она выглядит?

Есть ли еще где-нибудь взрывное устройство?

Для чего заложена бомба?

Каковы Ваши требования?

Вы один или с вами есть еще кто-либо?

По окончании разговора не вешайте телефонную трубку, положите ее рядом. По другому аппарату немедленно сообщите о звонке в правоохранительные органы и узел связи, назовите свою фамилию, организацию, адрес и номер телефона (Каторин и др., 2013: 36).

Не распространяйтесь о факте разговора и его содержании. Максимально ограничьте число людей, владеющих информацией, чтобы не вызвать панику и исключить непрофессиональные действия по обнаружению ВУ (ФЗ-35).

При наличии АОН запишите определившийся номер телефона на бумаге во избежание его случайной утраты. При использовании звукозаписывающей аппаратуры сразу же извлеките кассету (диск) с записью разговора и примите меры к ее сохранности. Обязательно установите на ее место другую (Солодовников, 2015: 123).

Поступление угрозы в письменной форме

Угрозы в письменной форме могут поступить по почте или в результате обнаружения различного рода записок, надписей, информации на дискете и т. д.

Практика показывает необходимость соблюдения следующих правил обращения с подобными материалами.

Если документ поступил в конверте, его вскрытие производите только с левой или правой стороны, аккуратно отрезая кромки ножницами.

После уяснения сути документа обращайтесь с ним максимально осторожно. По возможности уберите его в чистый полиэтиленовый пакет и при помощи пинцета (скрепки) поместите в отдельную жесткую папку. Постарайтесь не оставлять отпечатков своих пальцев (Солодовников, 2015: 56).

Сохраняйте сам документ с текстом, а также любые вложения, конверт и упаковку в пакетах и папках.

Не расширяйте круг лиц, ознакомившихся с содержанием документа.

Примите меры к сохранности и своевременной передаче полученных материалов в правоохранительные органы.

Материалы направляются в правоохранительные органы с сопроводительным письмом, в котором указываются конкретные признаки анонимных материалов (вид, количество, каким способом и на чем исполнены, с каких слов начинается и какими заканчивается текст, наличие подписи и т. п.), а также обстоятельства, связанные с их распространением, обнаружением или получением.

Анонимные материалы не должны сшиваться, склеиваться, на них не разрешается делать надписи, подчеркивать или обводить отдельные места в тексте, писать резолюции и указания, запрещается также их мять и сгибать. При исполнении резолюции и других надписей на сопроводительных документах не должно оставаться давленных следов на анонимных материалах.

Регистрационный штамп проставляется только на сопроводительных письмах организации и заявлениях граждан, передавших анонимные материалы в инстанции (ФЗ-35).

4. Выводы

Террористическая угроза – это каждодневная реальность, с которой нельзя смириться и к отражению которой надо быть всегда готовыми. Можно заключить, что в условиях социальной напряженности и кризисных явлений образуется порочный круг самовоспроизводства опасностей: одни угрозы становятся предпосылками для других, те – для третьих и т. д. Этот комплекс причин возникновения опасностей не может быть нейтрализован действиями в каком-либо одном направлении: правовом, экономическом, информационном, техническом, кадровом или организационном. Ибо односторонний подход – борьба с одним из сегментов этого порочного круга – практически бесполезен. Необходимо комплексное воздействие на все явления, обуславливающие терроризм. А это требует огромных материальных и временных затрат. Поэтому еще долго разработка и изучение правил поведения в критических ситуациях будет весьма актуальным вопросом.

Литература

- Белашева и др., 2016 – Белашева И.В., Ершова Д.А., Есаян М.Л. Психология терроризма: учебное пособие, СКФУ 2016 г. 155 с.
- Каторин и др., 2013 – Каторин Ю.Ф., Монахов А.Е., Нырко А.П. Техническая защита информации: поиск закладных устройств в помещениях. СПб., 2013.
- Каторин и др., 2016 – Каторин Ю.Ф. Взрывное устройство, как средство террора. // *International Journal of Anti-terrorism Studies*, 2016, 1(1), с. 4–9.
- Михайлов, 2008 – Михайлов Л.А. и др. Безопасность жизнедеятельности, учебник для вузов, 2-е изд./ Л.А. Михайлов, В.П. Соломин, Т.А. Беспамятных и др. СПб.: Питер, 2008. 461 с: ил.
- Нестик, Соснин, 2008 – Нестик Т.А., Соснин В.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2008–239 с.
- Солодовников, 2015 – Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015 – 172 с.
- Устинов, 2002 – Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М.: Юрлитинформ. 2002. 560 с.
- ФЗ-35, 2006 – Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

References

- Belasheva i dr., 2016 – Belasheva I.V., Ershova D.A., Esayan M.L. (2016). Psikhologiya terrorizma: uchebnoe posobie [Psychology of terrorism: a tutorial SKFU]. SKFU. 155 p. [in Russian]
- FZ-35, 2006 – Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 6 marta 2006 g. N 35-FZ «O protivodeistvii terrorizmu» [Federal law of 6 March 2006 of year –about the combating of terrorism]. [in Russian]
- Katorin i dr., 2016 – Katorin Yu.F. (2016). Vzryvnoe ustroystvo, kak sredstvo terror [The Explosive Device as the Means of the Terror]. *International Journal of Anti-terrorism Studies*, 1(1), pp. 4–9. [in Russian]
- Katorin i dr., 2013 – Katorin Yu.F., Monakhov A.E., Nyrkov A.P. (2013). Tekhnicheskaya zashchita informatsii: poisk zakladnykh ustroystv v pomeshcheniyakh [Technical protection of the information: the search for mortgage devices in the accomodations]. SPb. [in Russian]
- Mikhailov i dr., 2008 – Mikhailov L.A. i dr. (2008). Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti [Life safety]. Uchebnik dlya vuzov, 2-e izd. L.A. Mikhailov, V.P. Solomin, T.A. Bespamyatnykh i dr. SPb.: Piter, 461 p. [in Russian]
- Nestik, Sosnin, 2008 – Nestik T.A., Sosnin V.A. (2008). Sovremennyi terrorizm [Modern terrorism]. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz. M.: Institut psikhologii RAN, 239 p. [in Russian]
- Solodovnikov, 2015 – Solodovnikov S.A. (2015). Terrorizm i organizovannaya prestupnost': monografiya [Terrorism and organized crime: monograph]. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 172 p. [in Russian]
- Ustinov, 2002 – Ustinov V.V. (2002). Mezhdunarodnyi opyt bor'by s terrorizmom. Standarty i praktika [International experience of combating of terrorism. Standards and practice]. M.: Yurlitinform. 560 p. [in Russian]

Действия при угрозе теракта

Юрий Федорович Каторин ^{a, *}

^a Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассказано об основных действиях при поступлении в организацию информации об угрозе проведения теракта, как по телефону, так и с помощью почтового отправления; приведен перечень основных вопросов, которые необходимо задать при приеме телефонных сообщений с угрозами террористического или криминального характера, а также действий предупредительного характера, которые могут оказать существенную помощь правоохранительным органам.

Ключевые слова: террористический акт, действия персонала, сигнал угрозы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин)
